E49 937
C91

НОВОЕ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

НИК. СУХАНОВ

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1913—1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА» ПЕТРОГРАД — МОСКВА

1924

1-й [illegible] сп. фонда

E49—937

НИК. СУХАНОВ

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1913—1923

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

2816

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 74, телеф. 134-34 и 170-94
МОСКВА, Тверская ул., 38, тедеф. 264-61 и 377-23
1924.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 32992 1991 г.

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 1626 2971

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ленинградский Гублит № 3190. Тираж 4.000 экз.

Типо-лит. „Красный Печатник“, Ленинград, Международн., 75.

Мировое хозяйство накануне и после войны.

I. Последний этап.

Промышленный капитализм никогда и нигде не замыкался в национально-государственных рамках. Всегда и везде он стремился увеличить размеры своего рынка за счет чужих территорий и иноземных потребителей. И уже на самых ранних ступенях своего развития промышленный капитал каждой страны находил огромные выгоды в том, чтобы приобретать для себя внешние рынки особыми путями, политическими средствами и, в частности, вооруженной рукой.

Не только ради грабежа соседей, не только в целях пополнения оскудевшей за революцию казны, но и для обеспечения европейских рынков за юной французской буржуазией — проливал реки крови ее ставленник, ее верный слуга Бонапарт. И даже наш российский первобытный, взрощенный на феодальной почве промышленный капитализм, чуть ли не со дня своего зарождения, заставлял наших самодержавных царей открывать ему внешние рынки персидскими, турецкими, среднеазиатскими походами.

Промышленному капиталу всегда и везде был крайне выгоден и любезен самый *процесс* завоеваний: войны, дорого стоившие народам и государствам, обогащали буржуазию, ибо *расходы* государства были *доходами* промышленников. Поэтому, промышленный капитал всегда выдавал желательные *результаты* войн за насущную нужду, за жизненную необходимость государства. Но это было неверно. На ранних ступенях внешние рынки были могучим фактором роста и процветания капиталистической индустрии; но приобретение их *не было необходимым условием ее развития.*

Вместе с тем, на внешних рынках было вполне просторно. Это потому, что промышленный капитализм был реальной

величиной только в самых старых странах. За внешними рынками не надо было ходить далеко: ими служила сама Европа. Но и за ее пределами к услугам передовых „национальных капитализмов" были неограниченные свободные пространства. Для свободного товарообмена было места заглаза достаточно. И *свободная конкуренция* мировых держав на внешних рынках вполне оправдывала себя.

Это была начальная фаза капиталистического развития. Это был период экономического либерализма.

Но производительные силы Европы росли. Мировой капитализм вступил в новую фазу. Для старейших стран внешние рынки действительно стали жизненной необходимостью. Они стали обязательным условием их здорового экономического роста. Национальные капитализмы таких стран, как Англия и Франция, уже *не могли* реализовать созданные ими ценности в собственных национально-государственных рамках. Предоставленные самим себе, огражденные от остального мира, они неизбежно зачахли бы, задохнулись бы среди созданных ими богатств.

Вместе с тем, их соседи, служившие для них свободными внешними рынками, обзавелись собственной капиталистической индустрией. Они стали сами насыщать свои рынки и всеми силами старались захватить чужие. Они решительно отказывались поглощать все то, что вывозить, под страхом гибели, необходимо должны были страны высокого капитализма... В Европе стало тесно. Свободная конкуренция канула в вечность. Промышленный капитализм всех стран бросился защищать себя искусственными мерами, при помощи государства. Все промышленные страны, и старые и молодые, оградились от соседей-конкурентов более или менее высокими таможенными барьерами... Одна только старая Англия, в своем гордом одиночестве, сохраняла свои манчестерские принципы.

В Европе стало тесно. Но в далеких, в экзотических странах, диких и культурных, был еще достаточный простор. И на-ряду с защитой своих внутренних рынков, передовые государства вступили на путь *колониальной политики*. Но спешить было нечего. На необъятных территориях Азии, Африки, Океании — еще далеко не была изжита свободная конкуренция. Для завоеваний, для политического покорения экзотических

территорий передовые национальные капитализмы не имели ни нужды, ни сил. И до 80-х годов прошлого столетия стремление к захватам колоний проявлялось довольно слабо. Очень медленно колонизовались африканские побережья и дальневосточные острова. Довольно вяло и робко наступал капитализм Европы на Ближний Восток, на Китай и Персию. Тут было еще просторно для мирного, чисто экономического размежевания и для „свободной торговли".

* * *

Это была следующая фаза в развитии мирового капитализма. Это был период национального протекционизма и „введения" в колониальную политику.

Но производительные силы продолжали расти, как снежный ком. Мировой капитализм вступил опять в новую фазу своего развития. Огромной силы достигла техническая и еще большей — экономическая концентрация производства. Хозяевами внутренних и внешних рынков стали промышленные синдикаты и тресты. А фактическими собственниками трестированной промышленности стали *банки* и их объединения.

Как бурно развивал производство, как быстро заполнял всю землю товарами этот трестированный и финансовый капитал,— об этом скажут цифры. Интересуясь *мировым* хозяйством, мы взглянем на рост производства четырех *мировых* стран-гигантов, экономика которых всецело определяет хозяйственную и политическую конъюнктуру всего мира.

Добыто угля (милл. тонн):

	1886 г.	1913 г.
Англия	160,0	287,1
Франция	19,9	41,3
Соед. Штаты	103,1	570,2
Германия	73,7	234,5

Произведено чугуна (тыс. тонн).

	1887 г.	1913 г.
Англия	7.681	10.424
Франция	1.588	5.207
Соед. Штаты	6.520	30.986
Германия	4.024	19.394

Произведено стали (тыс. тонн).

	1886 г.	1913 г.
Англия	2.403	7.786
Франция	428	4.687
Соед. Штаты	2.604	31.802
Германия	954	18.968

Число веретен (тыс.) в хлопчато-бум. производстве.

	1890 г.	1914 г.
Англия	44.505	55.972
Франция	4.915	7.400
Соед. Штаты	15.497	31.520
Германия	5.000	11.405

Необходимо несколько остановиться на этих сухих и скучных цифрах. Необходимо уяснить себе их огромный, всемирно-исторический смысл.

В эпоху финансового и трестированного капитала, за четверть века его господства, мировое производство росло вне всякого соответствия с ростом населения. Мировое производство бесконечно обгоняло его. Уже к *началу* периода оно достигло таких размеров, какие ни в одной стране *не могли* быть реализованы на внутреннем рынке. Но в последующие годы продукция была увеличена вдвое, втрое, впятеро. Если в отдельных случаях она повысилась всего на треть или четверть, то в других случаях она возрасла в 8—10 раз. При этом продукция росла прогрессивно: так, Соед. Штаты с 1911 г. по 1913 г., т.-е. за два года, увеличили продукцию угля с 450 до 570 милл. тонн, т.-е. на сумму большую, чем составляло все их производство в 1886 году. За три года, с 1910 по 1913 г., Соед. Штаты увеличили производство *стали* с 26,5 до 31,3 милл. тонн, т.-е. на сумму, *вдвое превышающую* все производство стали 1886 г. Германия в 1913 г. произвела чугуна уже 19,3 милл. тонн, т.-е. за два года увеличила свою продукцию чугуна на всю сумму производства 1887 года.

Не все мировые страны-гиганты находились в одинаковом положении. В начале эпохи финансового и трестированного капитала первенствующее положение занимала старая Англия. Но уже тогда, по производству стали, ее обогнали Соед. Штаты, которые следовали за ней по пятам и во всех остальных отраслях индустрии. Германия в 1887 г. значительно отстала

от Соед. Штатов, но не менее значительно обогнала более старую Францию.

В десятых годах нового столетия картина была уже иная. Англия удержалась на первом месте только в текстильной индустрии. Первое место в мировом производстве заняли Соед. Штаты, которые производили уже вдвое больше угля, втрое больше чугуна и вчетверо больше стали. Да и Германия почти догнала Англию в продукции угля; чугуна же стала производить в полтора раза больше, а стали вдвое больше, чем старейшая британская промышленность.

Далеко на задний план была оттерта прекрасная Франция. Несмотря на огромный прогресс ее индустрии, Франция, в десятые годы, была почти незаметна среди трех остальных владык мира. Но все же она оставалась в их числе. Правда, бурно растущая промышленность огромной России, с начала столетия, стала уже догонять Францию — по абсолютным размерам своей продукции: в 1913 году она произвела (вместе с Польшей) уже 36 милл. тонн угля, 4,7 милл. тонн чугуна и столько же стали и железа, взятых вместе. Но производство России *на жителя* составляло, сравнительно с Францией, совершенно незаметную величину. На *мировом* рынке промышленность России еще не могла играть никакой роли... Наоборот, старая индустрия Бельгии, несмотря на бедность ее рудой, производила чугуна и стали *на жителя* гораздо больше, чем Франция (по 2,5 милл. тонн в 1913 г.). Но абсолютно небольшие массы бельгийской продукции решительно не позволяли Бельгии выдерживать, перед лицом *мирового* хозяйства, какое-либо сравнение с ее дряхлеющим, но еще великим соседом... Об остальных странах можно и не упоминать.

Став на точку зрения *мирового* хозяйства, необходимо считаться еще со следующим обстоятельством. Соединенные Штаты в мировой продукции десятых годов заняли первое место; в частности, почти 50% мирового производства чугуна и стали приходились в 1913 году на долю Соединенных Штатов. Но львиная доля этой продукции удовлетворяла огромный *внутренний* рынок самой заатлантической республики. Наоборот, *мировой* обмен питала, главным образом, оттесняемая индустрия Англии. Лондон был и остается

центром мирового хозяйства. Если он и не решает всецело судеб мирового капитала, то он и не кто другой *показывает* их до сих пор...

* * *

Головокружительный рост продукции главнейших стран в эпоху финансового и трестированного капитала, казалось бы, должен был заполонить весь мир. Если и в предыдущий период, до 80-х годов, все это производство не могло быть реализовано капиталом в самих производящих странах, то как же обстоит дело теперь?.. Понятно, что производство передовых стран могло расти исключительно при условии возрастающего экспорта и, главным образом, *за счет* его. Мировой товарообмен развивался в полном соответствии с ростом производства. Подлинную картину заполонения всего мира товарами стран-великанов откроют нам цифры *об их торговых оборотах* и, в частности, об их экспорте.

Вот как расли обороты внешней торговли *наступавших* в эту эпоху стран за ту же четверть века (в милл. зол. руб.):

		Привоз.	Вывоз.	Весь оборот.
Соед. Штаты . . .	1887 г.	1.384,6	1.432,2	2.816,8
	1913 г.	3.626,1	4.931,8	8.557,9
Германия	1887 г.	1.430,1	1.351,5	2.781,6
	1913 г.	5.323,1	4.120,2	9.443,3

Торговые обороты обеих стран выросли больше, чем втрое. Промышленность Соединенных Штатов, как мы знаем, в два и в три раза превышает германскую индустрию. Но их экспорт и в начале и в конце интересующего нас периода был приблизительно одинаков,—несмотря на то, что Германия ввозит, а Соединенные Штаты вывозят продукты *сельского хозяйства*. Германский промышленный капитал особенно сильно нуждался во внешних рынках и особенно бурно устремлялся туда.

Но все же ни американские, ни германские обороты не достигли английских. Британское королевство развивало свой внешний товарообмен далеко не так стремительно, но оно удержало за собой первое место. В 1913 г. внешний торговый оборот Англии исчислялся в сумме 14 миллиардов золотых

рублей; экспорт же был равен 6,3 миллиардов золотых рублей. И, конечно, тут подавляющая часть падает на готовые изделия английской индустрии: жизненных припасов Англия вывозила всего на 470 миллионов, а всякого сырья на 120 миллионов.

Ясно, что Франция сильно отстала от своих соседей и конкурентов. Однако, в силу большого экспорта всяких предметов роскоши, отстала во внешней торговле далеко не так сильно, как в продукции главнейших товаров. Оборот Франции в 1913 г. равнялся 5.768,6 миллионов золотых рублей; экспорт же выражался в сумме 2.578 миллионов. Это очень большие цифры. В тот же год оборот России составил всего 2.426 миллионов рублей, а экспорт 1.423 милл. руб. При этом, в экспорте России *промышленность* играла вполне ничтожную роль, Франция же вывозила, главным образом, *изделия* и полуфабрикаты.

Известно (и видно из приведенных цифр), что мировые державы, кроме Соединенных Штатов, имели *пассивный* торговый баланс. Но это означает то, что, кроме товаров, эти страны вывозили и *капитал*. В 1911 году Англия имела за пределами своих островов своего капитала около 32 миллиардов фунтов стерлингов; Германия, в том же году, имела заграницей гораздо меньше, но все же круглую сумму в 35 миллиардов марок. Франция же экспортировала к этому времени не меньше 40 миллиардов франков, из которых около половины приходилось на Россию.

Все это, вместе взятое, как нельзя более ясно говорит о том, что финансовый и трестированный капитал должен был проникнуть во все уголки земного шара. Бешеный темп продукции и экспорта должен был породить бешеную конкуренцию, борьбу не на живот, а на смерть между мировыми державами. Эта борьба должна была происходить не только на внутренних европейских рынках, но и во всех концах мира. Теперь стало тесно не только в Европе. Времена свободной конкуренции теперь миновали и для экзотических стран. Взамен ее и за морем должны быть созданы *монопольные* „сферы влияния".

Финансовый и трестированный капитал призвал на помощь служащее ему, существующее для него, являющееся его функцией *государство*. Прежде всего, надо было обратить

внимание на пограничные заграждения. Они были „упорядочены“, т.-е. усилены, но роль их теперь изменилась: из средства защиты они превратились в орудие нападения. Они стали фактором усиленного и дешевого экспорта. Они должны были содействовать поражению конкурентов на внешних рынках. Даже в Англии пошатнулись и были сданы в архив старые фритредерские традиции.

Но это не главное и не самое характерное для политики финансового капитала. Важнее и характернее было то, что финансовый капитал каждой страны, расширяя свою хозяйственную территорию, теперь закреплял ее за собою *политически*, стремился оградить ее от иностранной конкуренции и превратить ее в область эксплоатации национальных трестов и синдикатов. Эта специфическая политика финансового капитала, как известно, носит название *империализма*.

С 80-х годов началась колониальная горячка. Застрельщиком тут явилась Франция: поражение 71-го года грозило выбить ее из ряда первоклассных мировых держав, и она в первую голову стремилась создать империю за счет заморских областей... Прежнее, ленивое, „мирное“, экономическое наступление капитала на далекие страны сменил бурно-стремительный натиск. Дикие области и страны захватывались и включались в политические организмы мировых держав. Культурные, но слабые и отсталые государства делились на монопольные „сферы влияния“. И надо было спешить закрепить за собой место под солнцем! „Свободные“ уголки нашей планеты исчезали не по дням, а по часам. За пятнадцать лет, с 1885 по 1900 г., одна только Англия „приобрела“ земельную площадь в 4 миллиона квадратных километров, с населением в 60 миллионов душ, т.-е. пространство, в 20 раз превышающее всю Францию с ее 39 миллионным (до войны!) населением.

К началу XX века весь земной шар уже расхватан и размежеван. „Свободных“ земель уже нет. Расширение монопольных территорий для национальных капитализмов к началу века стало невозможным.—Вот сколько экзотических земель приходилось на долю каждого из национальных капитализмов Европы:

Площадь (в англ. милях):

	Метрополии.	Колоний.	Во сколько раз колонии обширнее метрополии.
Англия	121.633	11.307.415	94,2
Бельгия	11.343	909.654	80,2
Голландия	12.648	736.400	58,2
Франция	207.054	4.986.543	24,4
Португалия	35.490	820.952	23,2
Испания	110.550	591.230	5,3
Германия	208.780	1.028.820	4,9

Многие из этих колоний (испанских, голландских, португальских) имеют стародавнее, неимпериалистическое происхождение. Но из общей их площади львиная доля принадлежит именно заправилам империализма. Даже молодая Германия оставила за собой старую Голландию или Бельгию. Но—увы! Германия выступила на мировую арену слишком поздно. Все лучшие места уже были закреплены за ее конкурентами. На ее долю остались одни огрызки—вроде Новой Гвинеи, Камеруна, Самоа или хотя бы даже Киао-Чао. Приходилось довольствоваться империей, чуть-ли не равной какой-нибудь Бельгии, существующей милостью соседей. Разве можно примириться с этим? Но других территорий на земле нет. Это факт непреложный... Однако, мириться с этим все-таки нельзя.

Такова была следующая фаза развития мирового промышленного капитала. Это был период финансового капитала и империализма.

* *
*

Из сказанного вытекает, что в середине этого периода можно было бы констатировать некоторый переломный момент. Это именно — рубеж XX столетия, когда были исчерпаны „свободные“ территории планеты. Теперь, при всякой попытке расширения, страны „высокого капитализма“ должны были неизбежно сталкиваться одна с другой. Расширяться территориально было уже некуда, кроме как друг на друга. Одна великая держава, в лице своего национального капитала, могла расти, т.-е. могла существовать только за счет себе подобных. С момента раздела мира, с начала текущего столетия, когда производительные силы продолжали расти с невиданной до

сих пор стремительностью, казалось бы, наступила эпоха непреложного, имманентного мирового экономического конфликта.

Логически это, пожалуй, так. Но в действительности дело обстояло гораздо хуже. В действительности этот непреложный мировой конфликт начался значительно *раньше* и независимо от политического раздела мира. Колониальная политика империализма была неизбежна и должна была быть доведена до логического конца; но она не вносила ничего существенного в ход мировых событий. Чтобы дать себе в этом надлежащий отчет, необходимо взглянуть на роль колоний в экономическом росте империй.

Роль эта крайне невелика. Собственные колонии мировых стран, в качестве рынков сбыта, не только не могли обеспечить „здоровый рост" метрополиям, но и не могли считаться ни для Германии, ни для Франции сколько-нибудь заметным подспорьем в реализации создаваемых ими ценностей. В самом деле, в 1912 году:

	Привозила всего.	Из своих колоний.	%	Вывозила всего.	В свои колонии.	%
Англия (милл. ф. ст.)	745	186	25,0	600	177	29,5
Франция (милл. фр.)	7.172	119	1,7	6.234	108	1,7
Германия (милл. мар.)	10.196	54	0,5	10.770	54	0,5

Только Англия сбывала в свои „владения" больше четверти своего экспорта (главным образом в Ост-Индию, Австралию и Канаду). Ее континентальные соперники, как видим, не имели в своих колониях никакого рынка, особенно молодая Германия, с ее бурно растущим экспортом.

Возникает при таких условиях законный вопрос: для чего же страны высокого капитализма вели свою колониальную политику? К чему вся эта борьба, усилия и жертвы, если из колоний почти нечего взять и туда почти ничего нельзя сбыть?.. Жалобы и вопли по поводу убыточности и разорительности колониальной политики всегда были ее непременным спутником и исходили не только из социалистических сфер. Но вопрос, *для чего* она ведется, уже давным давно не представлял собой ни малейшей загадки.

Во-первых, это логика положения капитала, нуждающегося в сбыте, как в воздухе: захватить до конца все, что можно.

Во-вторых, интерес заключается не столько в результатах колониальной политики, сколько в процессе ее. И тут совершенно особую роль повсюду играет *тяжелая индустрия*, металлургическая синдицированная промышленность всех передовых стран. Расходы и тяготы колониальной политики суть именно доходы и выгоды чугунных и стальных королей. Колониальные авантюры, неудачи, столкновения для них никогда не страшны, но всегда желательны. Пусть от них разоряются народы и государства; ведь, они существуют для банковских и металлургических магнатов, которые питаются этими авантюрами и передрягами. Чреватая ими колониальная политика нуждается в армии, в пушках, в броненосцах, в стратегических железных дорогах и т. д. Колониальная политика форсирует международный милитаризм, который дает огромный рынок для металлургии за счет народов и государств. Уже одного этого достаточно, чтобы вести безоглядную колониальную политику. И трестированный капитал заставлял вести ее свои „великие демократии", которые суть лишь орудие его диктатуры.

Однако, дело, собственно, не в этом. Мы должны направить внимание в иную сторону. Если колонии, как рынки сбыта, играли ничтожную роль для мирового капитала, то каким же способом он реализовал свои огромные ценности? Что же служило для передовых стран внешними рынками, без которых они не могли существовать? Посмотрим на *направление* экспорта мировых гигантов [1]).

	Англия вывозила в милл. ф. ст.	% к общей сумме.	Франция вывозила в милл. фр.	% к общей сумме.	Соед. Штаты вывозили в милл. долл.	% к общей сумме.	Германия вывозила в милл. мар.	% к общей сумме.
В Европу	181	38,1	4.499	77,0	1.499	62,9	7.666	76,2
„ Азию	122	25,5	—	—	127	5,3	548	5,9
„ Америку	98	20,6	705	12,1	646	27,1	1.447	15,3
„ Африку	40	8,4	635	10,9	29	1,2	211	2,1
„ Австралию	35	7,3	—	—	82	3,5	103	1,0
Всего . . .	476	100,0	5.839	100,0	2.383	100,6	10.086	100,0

[1]) Цифры относятся к 1913 году. Но общие итоги преуменьшены, так как страны назначения для некоторой части товаров неизвестны. Эта часть по всем странам ничтожна и не имеет значения для выводов.

Для *всех* первоклассных государств главным внешним рынком служит старая капиталистическая Европа. Только Англия сбывает на европейских рынках *меньшую* часть своего экспорта: Англия много вывозит в свои колонии. Все остальные великие державы вывозят в Европу подавляющую часть экспортируемых товаров.

Система национальной защиты капиталистических стран, как видим, оказывается бессильной. Товары могучих конкурентов неудержимо текут на внутренние рынки европейских государств сквозь таможенные заграждения... Но главная суть в том, что финансовый и трестированный капитал передовых стран питается *не своими* (благоприобретенными и политически закрепленными), а именно *чужими* рынками.

О чужих колониях тут нечего и говорить. Соед. Штаты экспортируют в Канаду втрое больше, чем „законная владелица" Канады, Англия. Германия, не имевшая почти никакого сбыта в собственных колониях, обычно хозяйничала в чужих. Напр., тоннаж германского флота, который поддерживал ее торговые сношения с французским Сиамом, равнялся 376 тыс. тонн; сами же „хозяева", французы, вели с ним торговлю при помощи каких-нибудь 25 кораблей в 9 тыс. тонн... Молодые и наступающие страны, не желая считаться с национальными предрассудками, безжалостно ломая установленные границы, отлично чувствовали себя в чужих владениях. По раздраженному замечанию одного французского патриота, они, подобно кукушке, клали яица в чужие гнезда и прекрасно устраивались жильцами в чужом доме.

Но дело, как мы видели, не в колониях. Во-первых, колонии находятся за тридевять земель: там доглядеть, оградиться от конкурентов, создать монополию гораздо труднее. Во-вторых, колонии, вместе со всеми экзотическими странами, в качестве рынков сбыта, имели сравнительно небольшое значение. Мировой капитал, даже в его последней империалистической фазе, питала главным образом сама его родина—Европа. Нам очень важно посмотреть, где же размещали мировые державы основные массы своего экспорта.

Их старейшина, *Англия*, меньше других питалась европейским рынком: она больше других торговала с колониями и экзотическими государствами. Но только в одну Индию

Англия экспортировала больше, чем в *Германию*. Внутренний рынок этой первоклассной империалистической державы поглотил в 1913 г. около 8% всего английского экспорта. А во всех трех мировых державах Англия реализовала на 100 милл. фунтов стерлингов своих товарных ценностей, подлежащих вывозу; это составило в том же году около одной пятой (18,8%) английского экспорта... Затем, из европейских капиталистических стран шла Россия: в нее Англия сбывала 3 с небольшим процента вывозимых товаров. Бельгия, Голландия, Италия размещали у себя, примерно, по 2,5% каждая (по стольку же Англия вывозила в Бразилию, Китай и Японию). Остальные страны поглощали уже ничтожные доли английского экспорта,—от 2 до 9 милл. ф. ст.

Мы видим, что британская торговля была сильно распылена по всем концам земного шара. Но все же у нее имелись „ударные пункты": около двух пятых поглощала капиталистическая Европа и около одной пятой сами главнейшие конкуренты Англии на мировом рынке. Старая английская индустрия не только удерживала свои места, но завоевывала новые позиции во внутренних покоях великих держав. Ни бурное развитие их собственной индустрии, далеко обогнавшее Англию, ни их беспардонный протекционизм — не могли спасти их от английского засилья.

Экспорт Франции был гораздо более сконцентрированным. В 1913 г. она вывезла на 6,9 миллиардов франков; но из всех колоний и далеких стран только один Алжир поглощал ее товаров больше, чем на 500 милл. франков; все остальные ввезли ничтожные количества французских товаров. Европа поглотила 77% французского экспорта — на 4,5 миллиарда франков. Но из этого количества больше половины приходится опять-таки на мировые державы, Германию и Англию (2,3 миллиарда), а около четверти — на Бельгию (1,1 миллиарда). Россия была для Франции ничтожным рынком—всего 80 милл. франков. Больше значения имели соседи — Швейцария, Испания, Италия, — от 150 до 400 милл. франков. Что же касается Соед. Штатов, то там французская промышленность была бессильна, а всего (включая французские вина!) заатлантическая республика ввозила из Франции на 450 милл.

Как бы то ни было, почти 40% французского экспорта приходилось на долю все тех же великих империалистических держав. А если к ним присоединить высокоразвитую Бельгию, то на внутренние рынки передовых стран придется целых 60% французского вывоза. Франция также прочно устроилась жильцом не только в чужих домах, но можно сказать в чужих жилых комнатах.

Германия, как мы знаем, не имеет никакого сбыта в своих колониях; но очень немного ее поддерживали и чужие. Из всего ее экспорта 1913 г. совершенно ничтожные доли приходились на Японию (1,2%), Китай (1,2%), Бразилию (2,0%), Аргентину (2%), Британскую Индию (1,5%). Больше трех четвертей экспорта Германия реализовала на *европейских* рынках. Тут Швеция, Норвегия, Дания, Испания поглощали не свыше 8% всех экспортированных немецких товаров. Голландия, Бельгия, Швейцария, Италия покупали от 4 до 7% каждая. В Соед. Штаты и во Францию Германия втискивала до 15%, приблизительно поровну. Россия поглощала несколько больше—на 800 милл. марок (8%). За то и наслышаны мы от наших патриотов о немецком засильи!.. Еще больше (11%) Германия вывозила на рынок своей союзницы Австро-Венгрии, где была почти полным хозяином, пользуясь слабым развитием австро-венгерской индустрии... Однако, самым крупным внешним рынком для Германии служила сама владычица морей: на британские острова Германия направляла целых 14% своего экспорта—1,4 миллиарда марок.

Понятно, сколь тягостно было это соперничество Германии для национальных капиталов ее соседей. Немецкие банки и тресты не только захватили чужое добро на стороне, но и у самого очага англичан и французов ведут себя совершенно непозволительно. Если Англия была нетерпима на германском рынке, то еще хуже чувствовал себя гордый британец, решительно вытесняемый могучим конкурентом из собственного дома. Засилье молодой Германии уже давным давно стало притчей во языцех в вековых крепостях английского капитала. Еще в 50-х годах в Англии была образована парламентская комиссия для изучения немецкого засилья; она пришла к самым неутешительным выводам. А через 10 лет вышла знаменитая книга Вильямса „Made in Germany“, которая

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 16262971

провозгласила конец мировой гегемонии Англии. Со стороны английского писателя это была вполне патриотическая паника; но все же вывод сильно предупреждал события: в 1913 году, через несколько десятков лет, Германия продала в Англию своих товаров на 662 милл. рублей; но Англия в том же году торговала в Германии на 400 милл. рублей. А общая сумма английского экспорта составила в этом году 6,1 миллиардов рублей, против германского в 4,6 миллиардов. До немецкой гегемонии было далеко, хотя о былом величии Англии остались к концу империалистской эпохи одни воспоминания. Гегемонии не было, но была борьба за нее, не на живот, а на смерть.

Нам осталось еще взглянуть на Соед. Штаты. Тут надо иметь в виду, что экспорт заатлантической республики имеет особый характер: передовые страны Европы вывозят продукты своей индустрии, тогда как Соед. Штаты почти на $^3/_4$ составляют свой экспортный фонд из сырья и жизненных припасов... Почти две трети его направляются в Европу — на 1,5 миллиарда долларов. Из второстепенных европейских стран только Бельгия покупает у Соед. Штатов на 60 с лишним милл. долларов и Голландия — на 100 с лишним. Все остальные (включая Россию) на 30 и гораздо меньше. Ровно две трети всего вывоза Соед. Штатов в Европу купили в 1913 году все те же три страны, Англия, Германия и Франция. При этом Англия получила больше половины, а Германия свыше трети.

Американское засилье было для Англии не так страшно, как германское. Американская *индустрия* вывозила вдвое меньше германской и составляла свой активный баланс за счет сельского хозяйства, которым Англия почти не занималась... Но ведь так дело обстояло до поры до времени. Американский промышленный экспорт развивался в полном соответствии с бешеным ростом заатлантической индустрии. *Возможности* же промышленного развития Соед. Штатов несоизмеримы с германскими. И если смотреть немного вперед, то в 1913 году Англия должна была признать Америку гораздо более страшным врагом.

При этом конкуренция на рынке сбыта—это только одна сторона дела. Но мировой гегемон не менее заинтересован и в другой. Соед. Штаты являются, как известно, хозяевами

сырья, безусловно необходимого для Англии. Во-первых, гигантская хлопчатобумажная промышленность Англии, единственная, где Англия удержала доселе первое место, на 75% питалась американским хлопком. Во-вторых, Соед. Штаты, если не формально владеют важнейшими нефтяными источниками (кроме Баку), то фактически господствуют над ними. Этим сказано очень многое. Результаты ясны сами собой [1]).

Мы теперь видим истинное положение дел. Окончательный раздел мира вовсе не послужил источником конфликта. Наступление национальных капитализмов друг на друга не было порождено невозможностью каждого из них распространяться вширь. Мировой конфликт начался до раздела земного шара и протекал независимо от него.

Правда, „субъективно" капитал каждого из властелинов мира гонялся за каждым клочком земли и стремился во что бы то ни стало урвать у конкурентов какую-нибудь колонию, либо „сферу влияния". Империалистская эпоха была полным-полна международными столкновениями на этой почве. Вот Франция, вопреки Мадридскому договору, объявила (в 1904 г.) свой протекторат над Марокко. В результате, несмотря на „мирную" алжесирасскую конференцию, произошли „осложнения" в 1909 г., а затем в 1911 году. Еще бы! Германские банки и синдикаты, не зная, что делать с накопленными ценностями, никак не могли перенести французского протектората над Марокко. Мысль идеологов германского империализма с железной необходимостью шла по линии — „разбить в Европе, чтобы взять в Африке". А в Африке можно было взять такие крохи, из-за которых не стоило проливать даже чернила. Весь „черный материк", как рынок, был бесконечно малой величиной в мировом экспорте. Единственный смысл борьбы за африканские области состоял в том, что эта экономическая

---

[1]) В 1913 году Соед. Штаты потребляли на своих фабриках только 12% своего хлопка. В 1920 г.—уже 20%. Это еще немного. Но мы видели темп американской хлопчатобумажной промышленности. Когда именно Америка перестанет давать хлопок Европе и задушит основную отрасль английской индустрии? Именно так приходится ставить вопрос... Англия же располагает собственным (т.-е. *индийским*, довольно дурного качества) хлопком только в размере 8% своей потребности.

борьба переходила в политическую. Т.-е. для нее были необходимы оккупационные и экспедиционные отряды, броненосцы, пушки и все дорого стоющие аттрибуты войны. А это создавало для национальных капиталов такие внутренние рынки, из-за которых был расчет выдумать всякие „насущные нужды" и „жизненные национальные интересы" там, где их нет и признака.

В частности, французская Африка была интересна немцам, главным образом, из-за своих северных гаваней, имевших „стратегическое значение" в Средиземном море. А это было важно для успешной колониальной политики в передней Азии и для осуществления грандиозных планов на Дальнем Востоке. Это называлось у немцев Drang nach Osten. Тут разрабатывалось два направления. Одно — через Балканы и Турцию к Южному океану, а оттуда в Индию, в Китай и т. д. (железная дорога Берлин — Багдад). Другое направление — прямо на восток, в Россию, которая — увы! — была при царях не только субъектом, но больше объектом мирового империализма. Все это в смысле „расширения хозяйственной территории", в смысле приобретения рынков не имело сколько-нибудь реального значения. Где были значительные рынки, там они успешно завоевывались мирным, чисто экономическим путем. Но в большинстве случаев завоевание этих рынков не могло дать ничего существенного для жизни и здоровья германского капитала [1]). „Жизненный национальный интерес" тут заключался только в том, чтобы захватить силой то, что нужно,

[1]) Вот, напр., известный проект Deutsche Bank 1899 г. в изложении „Deutsche Zeitung": „Все набережные Оттоманской империи должны быть нами монополизированы, и железные дороги должны перейти в наше распоряжение. После того, как все набережные будут скуплены немцами, мы введем тариф, который положит конец всякой не германской конкуренции. Мы соединим все железные дороги и набережные в один немецкий трест под контролем „Deutsche Bank". Железные дороги будут перевозить только немецкие товары. Таким образом, Турция превратится в германскую колонию"... Допустим, что этот совершенно утопический план осуществился бы и нигде невиданная полная монополия была бы достигнута. Но все конкуренты немецкого капитала, вместе взятые (включая Россию), в те времена ввозили в Турцию меньше, чем на 50 милл. руб. А с 1913 г. они ввозили туда на 150 милл., т.-е. меньше, чем одна Германия вывозит в микроскопическую Данию.

и то, что ненужно. Ведь Англия неизбежно должна была, как бенгальский тигр, броситься, чтобы загородить ближние пути на Индию и защитить свои „права на нее". А Франция неизбежно должна вцепиться зубами в свою Сирию, которая „морально принадлежит ей со времен Карла Великого". Все же, вместе взятые, не преминут вооруженной силой защищать свои права в Китае. Такова непреложная логика положения. Таковы внешние проявления международного конфликта в эпоху финансового капитала и империализма.

Но это только внешняя, „субъективная" сторона его. Это не существо международного экономического конфликта. Его действительные источники были глубже, и он развивался, в силу объективного хода вещей, независимо от колониальных споров и субъективных стремлений к крохоборскому расширению монопольной хозяйственной территории.

Суть дела заключалась в мировом перепроизводстве товарных ценностей свыше тех пределов, в каких они могли быть реализованы капиталом. Недостаток внешних рынков означал смерть каждого из передовых национальных капитализмов. Но как бы ни были территориально *широки* рынки, внешние по отношению ко всему „концерту" мировых держав, эти рынки слишком *мелки*, чтобы служить питательной средой мировому капиталу. Каждая из первоклассных стран, в качестве своего главного внешнего рынка, могла иметь только внутренние рынки своих конкурентов.

И каждая из первоклассных стран еще *до* раздела земного шара и *независимо* от него, бурно наступала на другого. Все наступали друг на друга, ломая китайские стены, воздвигаемые вокруг них их верными слугами — государствами... До поры до времени всем конкурентам удавалось наводнить своими ценностями чужие рынки в меру действительной потребности в том национальных капитализмов. Огромные волны вздымались и двигались навстречу одна другой, но кое-как рассасывались без катастрофы. Встречные геологические сдвиги коробили земную поверхность, но кое-как пласты улегались без особых потрясений.

Однако, так могло продолжаться только до поры до времени. Бешеная конкуренция, развиваемая всеми, уже не помогала никому. Всем уже явно не хватало места под солнцем. Капита-

листический мир явно задыхался под бременем созданных им богатств. В лихорадочной всеобщей борьбе от них некуда было деваться. Встречные валы неизбежно должны были оглушительно разбиться друг о друга. Напор земных пластов вел к неизбежному катаклизму. Атмосферное давление становилось все сильнее с каждым годом империалисткой эпохи. Котел должен был взорваться. Какая-то мировая катастрофа была вопросом недолгого времени.

На фоне, на основе такой экономики возникла соответствующая политика. Мировой империализм порождал *милитаризм* во всех сколько-нибудь крупных государствах. Эпоха финансового капитала была эпохой *вооруженного мира*... В предыдущем была достаточно выяснена связь между этими проявлениями экономики и политики. Останавливаться на этом нам нет нужды. Любопытно взглянуть только на *размеры* европейского милитаризма.

	Чистый расходный бюджет 1916 года (в милл. руб.).	Расходы на армию и флот (в милл. руб.)	%	Военные расходы на 1 душу населения (франки).
Россия	1.434	529	37	8
Франция	1.339	392	29	26
Германия	2.341	478	20	17
Австро-Венгрия .	564	122	21	?
Италия	707	156	22	15
Англия (1910 г.) .	1.590	684	43	24

В общем шесть названных держав в первые годы столетия расходовали „на оборону“ свыше 7 миллиардов руб. Это далеко превышало всю сумму английского экспорта 1913 г. В милитаристкой лихорадке, как видим, деятельно участвовали и второстепенные державы. К тому же приведенные цифры относятся к моменту, когда Австро-Венгрия еще не вступила в ряды морских держав, а Италия еще не приступила к выполнению своей „большой судостроительной программы“... Вообще же тут, как известно, был бег взапуски. В 1902 году прекрасная Франция расходовала на армию и флот больше, чем „германский милитаризм“ (383 милл., против 303 милл.), но через четыре года Германия уже обогнала Францию. Наиболее же милитаристической страной была „свободная“, „демократическая“, лишенная всеобщей воинской повинности Англия: ее военные расходы

росли гораздо быстрее ее бюджета и к 1910 году достигли чудовищного процента. А в 1913 году, желая отвести патриотические упреки в пассивности и подчеркнуть непрестанные заботы правительства об усилении британской военной мощи, Ллойд-Джордж отметил в парламенте „поразительный факт, что Англия в этом году затратила на свой военный флот больше, чем расходовали на свои эскадры в 1886 году все державы вместе, включая в число их и самоё Англию"... Что-ж поделаешь! В международной борьбе *рублем* владычица морей оказывалась бессильной сохранить свою гегемонию над миром. Приходилось серьезно заботиться о том, чтобы восстановить ее *дубьем*.

Все эти лихорадочные вооружения были не только симптомом, но и фактором развивающегося мирового конфликта. Но вместе с тем, другим концом, они, несомненно, несколько задерживали его развитие. Субъективно они его форсировали, но объективно тормозили, искусственно создавая повсюду огромные внутренние рынки, поглощая резервные рабочие армии и т. д. Если бы производительные силы мира были направлены по их естественным путям и не отвлекались милитаризмом, то без этих рынков мировой капитализм стал бы задыхаться раньше. Общую сумму ценностей, созданных в 1913 году, мировой капитал уже не сумел бы реализовать ни в каком случае, если бы огромная часть их не приходилась на долю милитаризма.

* * *

Политическая атмосфера сгущалась на основе безвыходного положения мирового капитализма. Гроза была неизбежна и близка. Лихорадочно накопляемые взрывчатые вещества не могли так или иначе не взорваться. Но в чем же должна была выразиться катастрофа?

Ситуация формулировалась так: мировое хозяйство и производительные силы не могут дальше развиваться на прежних капиталистических основаниях, ибо капитализм, в силу свойственных ему противоречий, не может реализовать созданные им богатства. То-есть возникала дилемма: либо капитализм, либо дальнейшее экономическое развитие. Если рост произво-

дительных сил человечества принять за некий исторический абсолют, то ясно, что назревавший кризис должен был заключаться в смене капиталистической системы иными социальными формами.

Но это только логический вывод из определенных предпосылок. Признание этих предпосылок, к сожалению, не для всех обязательно, а вывод—тем более. „Точка зрения" самого капитализма, в лице господствующих классов и их государств, была, во всяком случае, совсем иная. Капитал хотел жить во что бы то ни стало. И национальные капитализмы хотели развивать свои производительные силы на *прежней* социальной основе... Они задыхались под бременем богатств, созданных ими самими и их конкурентами? Им всем стало слишком тесно под солнцем? Это значит только то, что богатства конкурентов должны быть уничтожены, а сами конкуренты должны быть стерты с лица земли. Тогда вернется простор, и откроется возможность дальнейшего капиталистического развития для стран-победителей. Это массовое разрушение богатств и уничтожение конкурентов означало не что иное, как мировую войну. С точки зрения капитализма это являлось выходом из положения. Такова была логика капитализма. И именно под этим углом зрения он развивал милитаризм.

Итак,—или социальная революция, или мировая война. Если социальная революция не уничтожит капиталистической системы, то капитал, организованный в государства, будет вооруженной силой расчищать себе дорогу и добывать возможность жить и дышать. В социальную революцию, т.-е. в свою окончательную гибель мировой капитал не верил и готовился к всемирной войне.

Но войне—кого с кем? Кого же именно надо уничтожить, сковать, вывести из строя? За счет кого именно надо продолжать жить, чьим воздухом дышать?.. Ясно, что в принципе это совершенно *безразлично*. Уничтожить надо, по возможности, *всех* конкурентов. Если не всех, то конечно, тех, кто опаснее.

Германии необходимо получить полную власть над Англией, Франция тут не в счет: без Англии с ней можно сделать все, что угодно. Тогда с недосягаемой Америкой, может быть, как-нибудь удастся разместиться под солнцем... Англии необхо-

димо вывести из строя Германию, от которой не стало житья. Однако, ясно, что еще важнее было бы уничтожить капитал Соед. Штатов. Без этого—„длительного мира" достигнуть явно нельзя. Но разве нет необходимости покончить, наконец, с вековечным врагом Британии, с Францией, с которой Англия сталкивается решительно повсюду?.. Франция, с своей стороны, может отвечать Англии только теми же чувствами; ведь тут вся история Франции—и Нельсон, и Питт, и Жанна д'Арк. Но дело в том, что в последние десятилетия на первый план выдвинулась Германия. После смертельной обиды 70-го года положение дел изменилось...

Каждому крайне желательно уничтожить и завоевать прочную гегемонию над миром. Но, увы! Это невозможно, а если возможно, то не сразу. Надо нападать на тех, кто опаснее и кого покорить *возможно*... Для Германии тут дело обстояло проще всего. Соед. Штаты для нее, как и для других, были почти недосягаемы—по крайней мере, при данном положении в Европе. С одной Францией не стоило возиться: это для Германии, после Седана, quantité negligeable. Ясно, что тут мыслима, только одна ориентация — „Gott strafe England!".. Для Франции вопрос стоял сложнее. Правда, „идея реванша" была тут настолько интенсивна, что в выборе объекта нападения не приходилось колебаться. Но дело в том, что тут очень подозрительно было в тылу, по ту сторону пролива. Главное же, где силы для разгрома Германии? У Гогенцоллернов—70 милл. населения и очень полезные родственные связи, не говоря уже о флоте, который не по дням, а по часам догоняет французский. Тут необходим прочный союз с этим подозрительным тылом. Но и его мало. Тут необходимо впутать в дело, взять на службу второстепенную и не заинтересованную, но огромнейшую азиатскую державу—с ее самодурными, но мало смыслящими самодержавными царями, с ее жадными, но дурашливыми господствующими классами, с ее бедными производительными силами и неисчерпаемыми резервами людей. Эта задача была нелегкая: над франко-русским союзом бились ровным счетом двадцать лет (1891 по 1912 г.); но все же дело было доведено до успешного конца, разумеется, на экономическом базисе огромных ссуд. Хуже обстояло дело с обспечением поддержки Англии.

Это вполне понятно, ибо Англия находилась в *наиболее* сложном, хотя и наиболее благодарном положении. О разгроме Соед. Штатов, имея в тылу Германию, ей пока мечтать не приходилось. Но раздавить ли Германию или сначала Францию? Уже в 1898 году, т.-е. после формального заключения франко-русского союза, Англия чуть-чуть не бросилась на Францию (после „фашодского инцидента"). Во всяком случае до самого 1904 года Англия сохраняла свое пресловутое гордое одиночество и не склонялась ни туда, ни сюда. Только в 1904 году, когда новорожденный австрийский флот грозил нарушить традиционное „равновесие" на море (английский Two-Power-Standard), Англия вышла из равновесия и протянула руку своему вековому врагу, Франции. Этим она приобретала огромную франко-русскую армию.

Тем самым определялись европейские группировки, т.-е. определялось направление, *наметились формы* мировой катастрофы. Вновь возникшая „Антанта" должна была раздавить Германию вместе с ее придатком, ее бедной родственницей Австрией.

С своей стороны, Соед. Штаты были совсем не прочь ударить в тыл гордой Англии. Но мы знаем, что заатлантическая республика, наиболее страшный конкурент всей Европы, наиболее вероятный кандидат в мировые гегемоны, была самой молодой из империалистических держав. Капитал Соед. Штатов еще имел не малые возможности в пределах американского континента, и он имел наименьшую нужду ставить перед собой радикальные мировые задачи. Поэтому Соед. Штаты без большого труда удалось отвлечь от покушений на тыл Англии. Средством для этого послужил союз Англии с Японией, которая должна была стеречь Америку, а кстати и Россию. Этим был обеспечен нейтралитет Соед. Штатов, а кстати и Россия была крепко пришита к Англии. За это Япония получила вполне приличное вознаграждение.

Итак, на основе зреющей экономической катастрофы, в условиях вооруженного мира, пришлось хорошо поработать дипломатам... В начале десятых годов все последние приготовления были уже сделаны. Правителям мировых стран оставалось только выполнить свою историческую миссию, дав сигнал к началу вавилонского столпотворения. И одной из

стран надо было спешить: для новорожденной Антанты благоприятный момент мог быть легко упущен, ибо через два года тройственный союз должен был получить преимущество на море. Но, конечно, войны никто не хотел! В наш передовой и гуманный век мы заботились и кричали только о мире... Видимо, объективный ход вещей оказался сильнее. В нестерпимо душной атмосфере, по смехотворно-ничтожному поводу, не имевшему никакого отношения к мировым событиям, пушки вдруг сами начали стрелять по всей Европе.

Невиданная в истории катастрофа грянула и захватила весь мир.

II. Период войны.

Началось неописуемое побоище и разрушение. Безумие и ужас!... Хотели или не хотели войны ее инициаторы, но в одном сомнений быть не может: война была *крайним, последним* средством. И притом очень рискованным: базельский социалистический конгресс не мог содействовать увеличению энтузиазма правителей и обывателей всех стран.

Если война началась, то, стало быть, *не было иного средства* обеспечить дальнейшую жизнь капитализму. Если это последнее средство было пущено в дело, то, стало быть, *без войны* мировой капитализм не мог продолжать свое существование. Война могла быть только ответом на ультиматум, предъявленный историей мировому капиталу: война или смерть.

Правда, данное объяснение войны 1914—1918 гг., к сожалению, также не для всех обязательно. Уму непостижимо, сколько чепухи и лжи читали современники о борьбе и „столкновении рас", о панславистских идеалах, о неудержимом стремлении больших народов освободить малые, об истине и справедливости, и т. д. Если так, то приведенные положения, конечно, вздорны. Но, с другой стороны, о происхождении войны теперь, кажется, перестали спорить даже международные шейдемановцы и патентованные идеологи биржи. Никаких сомнений в историческом смысле катастрофы среди здравомыслящих людей как будто уже нет. А если так, то тезис стоит незыблемо: это мировой капитализм, удушаемый созданными им богатствами, решился на крайнее, единственное средство спасения, и самый факт мировой войны служит непреложным доказательством, что иных путей к дальнейшему развитию *не было* у капиталистического мира.

Война продолжалась больше 4-х лет. Было убито (или смертельно ранено) 10 милл. наиболее здоровых и сильных людей Европы. Население земного шара сейчас на 35 милл.

меньше (за счет наиболее культурных наций), чем оно было бы без войны. Накопление ценностей в Европе почти прекратилось. Все производство было направлено на истребление и разрушение. Воюющие страны, т.-е. „цивилизованный мир“— уничтожил огромную долю своих веками накопленных богатств. Погибли несметные сокровища культуры. Но передовое человечество не могло остановиться; и целые годы, призывая новые и новые поколения, со всей своей неисчерпаемой энергией и страстью, продолжало чудовищную оргию разрушения. Новые и новые миллионы царей природы продолжали расстреливать, закалывать, резать, жечь, рубить, душить, топить себе подобных. Обезумевший мир раскололся на две части, и каждая из них должна была довести свое дело до *„конца“*...

Стало быть иного выхода не было. Никакие компромиссы, соглашения, урегулирования были немыслимы. Враг должен быть сокрушен, конкурент должен быть выведен из строя... *Нельзя*, однако, уничтожить физически целые народы с десятками миллионов людей, со всей их материальной и духовной культурой. Жаль! Но можно сковать их по рукам и ногам; можно заставить их экономически жить лишь постольку, поскольку им физически это позволит победитель. Только в этом „гарантия прочного мира“, т.-е. возможность дальнейшего существования капиталистического строя. И каждая новая гекатомба человеческих жертв, каждый сожженный город, каждый погибший памятник гения прошлых веков—свидетельствовал перед историей, был порукой, кричал на весь мир о том, что нет иных путей у капитализма.

Если только *такими* средствами было возможно вдохнуть жизнь в капиталистическую систему, то, казалось, капитализм *обречен* и уже не воскреснет к своей „нормальной“ жизни. Если он сам, решившись на войну, признал, что его можно спасти только *такими* путями, то, казалось, он сказал свое последнее слово и окончил свой жизненный путь. И, казалось, с полным основанием и правом идеологи и вожди международного пролетарского авангарда в момент объявления войны провозгласили конец капитализма и начало новой эпохи—всемирной социалистической революции. Казалось, безупречно правильны были их лозунги: превращение империалистской войны в гражданскую.

Однако, человечество *выдержало* то, что выдержать было невозможно. Человечество вообще и международный пролетариат, в частности, *заплатили* за дальнейшее развитие капитализма эту невероятную, ни с чем несообразную, ум помрачающую цену... Война была доведена „*до конца*". После четырех с лишним лет был заключен Версальский мир. Война была окончена, а капитализм остался. Война была окончена именно так, как расчитывали ее инициаторы, т.-е. она, видимо, достигла своих целей, выполнила свое назначение.

Какие же мы должны сделать выводы?... Прежде чем сделать их, мы должны внимательно посмотреть, как развивалось мировое хозяйство *после войны*. Мы сейчас сделаем это. Но раньше всего мы не менее внимательно должны *поставить* проблему. Впрочем, сделать это совсем не трудно.

Мировой капитал не мог дальше жить и развиваться *без войны*. Вопрос состоит, во-первых, в том, вывела ли его война на желанный путь развития и что происходит в настоящее время на арене мирового хозяйства? А во-вторых, — мировой капитал, который не мог существовать *без* войны, может ли существовать *с войной*?...

Первый вопрос — это вопрос фактов и цифр. Второй — вопрос теоретического умозрения. Он может быть формулирован и другими словами. *Могла ли* война, бывшая для мирового капитала последним и единственным средством, оказаться *действительным* средством его спасения?... А это значит: сказал ли действительно мировой капитализм перед войной свое последнее слово? И правы или не правы те, кто в момент войны провозгласил конец последней фазы капиталистического развития и начало новой эпохи — всемирной социалистической революции?

* * *

Займемся сначала *первым* вопросом. На положении мирового хозяйства *во время* самой войны мы остановимся только в двух словах. В этот период хозяйственная жизнь мира приняла совершенно особые формы, ни для чего не характерные. Тут все было нарушено, изломано, исковеркано. Все

жило и развивалось на особых основаниях. И в самых общих чертах это развитие сводилось к следующему.

Как известно, война отвлекла от производительной работы колоссальный процент работников. В результате, продукция воюющих стран должна была сократиться во всех отраслях на весь период мобилизации. Но в том же направлении действовали и другие факторы—главным образом нарушение международного обмена: одни отрасли были отрезаны от сырья, другие от рынков сбыта. Вот несколько цифр о состоянии производительных сил во время войны. Прежде всего, сельское хозяйство. В сборах важнейших хлебов за время войны произошли такие изменения [1]).

	Пшеница (милл. квинт.). Среднее за год.		Рожь (милл. квинт.). Среднее за год.		Картофель (милл. квинт.). Среднее за год.		Овес (милл. квинт.). Среднее за год.	
	1909—1913	1914—1918	1909—1913	1914—1918	1909—1913	1914—1918	1909—1913	1914—1918
Англия	16	19	0,12	0,05	69	78	30	34
Франция	86	58	12	8	132	94	52	36
Соед. Штаты	187	224	9	15	97	104	164	205
Германия	41	30	113	87	458	372	86	60
Австрия	17	15	28	3	124	7	24	2
Италия	50	46	14	13	17	15	5	4
Россия	181	148	225	196	340	214	13	10
Болгария	11	8	20	15	0,1	0,1	1	0,9

Расширили свои посевы, как видим, Соед. Штаты. Из европейских воюющих стран только одной Англии (с Ирландией) удалось несколько увеличить свою ничтожную сельскохозяйственную продукцию. Но уже самый этот факт знаменовал хозяйственный регресс Англии, которая до войны предпочитала не заниматься сельским хозяйством, отдавая свои силы более производительным видам труда. В остальных воевавших странах земледелие еще играло огромную роль. Притом центрально-европейские державы без своего земледелия были бы обречены на голодную смерть. Но вместе с тем все эти страны *резко понизили* сельскохозяйственную

[1]) Само собой понятно, что эти данные, заимствованные из Bulletin de Statistique Agricole, не могут претендовать на большую точность в абсолютных величинах. Но общее движение они указывают. Квинтал—шесть с небольшим пудов.

продукцию. Если взять пять главнейших злаков (пшеницу, рожь, овесь, ячмень, кукурузу), то воевавшие страны Европы за войну сократили их посевы на 14 милл. гектаров, а сборы на 344 милл. квинталов. Сокращение посевной площади составило 22,6%, а сокращение сборов—37%. Нейтральные страны чуть-чуть увеличили за войну свои посевы и сборы (0,5 милл. гект. и 4 милл. квинт.). Все же *заокеанские* страны сильно повысили свою сельскохозяйственную продукцию за счет Европы: их посевы увеличились на столько же, на сколько они сократились в Европе, на 14 милл. гект. (на 11%), но сборы повысились на меньшую сумму—315 милл. квинт. (20,6%). В общем, сильно подорвав земледелие Европы, война породила и мировой недобор хлебов, при увеличившемся населении.

Цифры движения *скотоводства* дали бы совершенно ту же картину. Резко отразилась война и на производстве некоторых промышленных растений — особенно льна. Что касается *хлопка*, то его посевы (в Соед. Штатах, Египте и Индии) не имели причин сократиться; некоторое понижение сборов зависело от урожая.

Переработка же хлопка довольно сильно увеличилась в Соед. Штатах, но сильно сократилась в Европе. Взглянем по этому поводу на такую маленькую табличку.

	Обработано хлопка.	Вывезено хлопка (в милл. двойных центн.).			
	В Соед. Штатах (тыс. кип) в среднем в месяц.	Из Соед. Штатов.	Из Индии.	Из Египта.	Всего.
1913 г.	485	20,5	6,6	3,3	30,8
1914 г.	454	20,6	3,9	2,8	27,3
1915 г.	501	15,1	4,5	2,5	22,1
1916 г.	552	13,5	3,8	2,2	19,4
1917 г.	568	10,0	2,8	2,4	15,3
1918 г.	415	13,5	2,3	1,5	17,8

Соед. Штаты за годы войны бешеным темпом развивали свою хлопчатобумажную промышленность. Напротив, воюющая Европа год от года потребляла все меньше и меньше хлопка. К 1917 году снабжение хлопком Европы успело сократиться почти вдвое.

Но питание и личное потребление были во время войны на заднем плане. Это была одна из *жертв* войны. Народнохозяйственные цели во время войны изменились и извратились: именно за счет предметов личного потребления стали производиться в невероятных размерах предметы истребления. Это называлось мобилизацией промышленности. И понятно, что тут все силы были брошены *в тяжелую* индустрию, которая по преимуществу обслуживала войну. Посмотрим, что происходило в металлургии. Но прибавим сюда и „черный бриллиант", пищу всякой индустрии, каменный уголь.

Добыча угля (в милл. тонн, в среднем за месяц):

	Англия.	Франция.	Соед. Штаты.	Германия.	Италия.	Бельгия.
1913 г.	24,3	3,4	43,1	21,6	0,06	1,9
1914 г.	23,0	2,3	38,8	19,3	0,07	1,4
1915 г.	21,4	1,6	40,2	18,6	0,08	1,2
1916 г.	21,7	1,8	44,6	20,0	0,11	1,4
1917 г.	21,0	2,4	49,3	20,2	0,14	1,2
1918 г.	19,3	2,2	51,8	20,6	0,18	1,1

Производство чугуна (в тыс. тонн, в среднем за месяц):

	Англия.	Франция.	Соед. Штаты.	Германия[1]).	Италия.	Бельгия
1913 г.	869	434	2623	1074	36	207
1914 г.	756	228	1976	843	32	121
1915 г.	739	49	2534	698	31	6
1916 г.	755	109	3340	772	39	11
1917 г.	790	117	3271	799	39	1
1918 г.	768	108	3308	765	26	—

Производство стали (в тыс. тонн, в среднем за месяц):

	Англия.	Франция.	Соед. Штаты.	Германия[1]).	Италия.	Бельгия.
1913 г.	659	368	2651	1276	78	205
1914 г.	663	233	1991	1025	76	116
1915 г.	724	93	2723	925	84	8
1916 г.	778	149	2623	1118	106	8
1917 г.	830	166	8816	1163	108	1
1918 г.	812	150	3766	1075	83	—

Цифры достаточно ясны и без комментариев. Соед. Штаты, после некоторой заминки (после разбега для прыжка) развили

[1]) Германия за все годы взята без Эльзаса и Лотарингии.

продукцию основных отраслей до невиданных пределов. Они приобрели новый рынок неограниченной емкости. Почти не отвлекая рабочей силы от производства, имея огромные запасы всякого сырья, — они работали *на войну*.

Напротив, воюющая Европа, несмотря на все напряжение сил, сократила свою тяжелую индустрию. Только Англии, при уменьшении добычи угля и производства чугуна, удалось повысить продукцию стали. А кроме того, как видим, сильно встряхнулась Италия. Германия потерпела довольно сильно. Особенный же удар война, конечно, нанесла тяжелой индустрии Франции и Бельгии. — В общем, Америка не могла покрыть убыли в производстве каждого из названных продуктов. Мировая продукция их *сократилась* за годы войны, несмотря на то, что они и были средством всеобщего разрушения.

Любопытны также цифры о мировом судостроении:

Было спущено на воду (в среднем в месяц, в тыс. тонн):

	Англия.	Франция.	Соед. Штаты.	Италия.	Япония.
1913 г.	161	15	19	4	5
1914 г.	140	10	14	3	7
1915 г.	54	2	13	2	4
1916 г.	57	4	32	5	12
1917 г.	97	2	68	3	29
1918 г.	112	1	217	5	41

Несмотря на огромное истребление кораблей, в первые $2^1/_2$ года войны судостроение сокращалось катастрофически. Тут опять-таки больше других пострадала Франция. С третьего года войны Англия снова взялась вплотную за кораблестроение. Но мы видим, как облагодетельствовала война Соед. Штаты: их судостроение *до* войны едва возвышалось над французским, а в последний год оно далеко обогнало высшую точку английского. Впрочем, недурно поживилась тут и маленькая Япония.

Очень показательны для мирового хозяйства эпохи войны международные *торговые обороты*. Особенно характерны цифры *экспорта* воюющих держав. Вот какова была картина [1]).

---

[1]) Цены экспорта переведены на 1913 год. Понятно само собой, что обороты осажденных империй не изменяют, а усугубляют краски.

	Англия.		Франция.		Соед. Штаты.		Италия.		Япония.	
	В миллионах фунтов стерлингов по ценам 1913 года.									
	Весь оборот.	Экспорт.	Весь оборот.	Экспорт.	Весь оборот.	Экспорт.	Весь оборот.	Экспорт.	Весь оборот.	Экспорт.
1913 г.	99,0	44,0	51,0	23,0	73,0	43,0	21,0	8,0	12,0	5,0
1914 г.	85,1	35,6	36,9	15,5	66,6	36,4	17,9	7,4	10,4	5,2
1915 г.	76,6	25,8	35,5	9,2	90,0	61,0	18,0	6,0	10,3	6,2
1916 г.	70,6	26,3	47,4	11,1	109,8	76,4	19,0	5,0	13,7	8,5
1917 г.	60,8	21,0	42,6	7,6	89,7	61,1	19,0	3,6	14,8	8,7
1918 г.	64,8	18,3	26,4	4,7	79,6	53,6	15,9	2,7	15,3	8,2

Опять-таки—заокеанские страны не проиграли, а выиграли от войны. И мы видим, что их обороты увеличились почти целиком за счет экспорта: они *снабжали* Европу всем необходимым для войны. — Наоборот, европейские страны резко сократили свою внешнюю торговлю: Англия—на треть, Франция—почти вдвое. Конечно, отказаться от *ввоза* они не могли и продолжали покупать в кредит, к великому ущербу для своей валюты. Обороты европейских стран сократились *за счет экспорта*: мировые поставщики в годы войны, *ради* войны, были вынуждены отказаться от основного принципа своей экономики. Англия сократила экспорт больше, чем вдвое, Франция—почти впятеро, Италия—втрое... Однако, надо заметить, что обороты этих стран сократились не только за счет экспорта: им пришлось меньше и покупать.

Не надо думать, что сокращение международного обмена коснулось одних только воюющих стран. На внешней торговле нейтральных война отразилась не меньше. Вывоз Швейцарии — по весу — в конце войны составлял к ее довоенному (1913) экспорту всего 60%, вывоз Испании — 45%, Норвегии — 31%, Швеции — 18%, Дании — 11%, Бельгии — 5%, Голландии — 4%. Ввоз был повсюду несколько больше; но это мало устраивало отечественную промышленность и торговлю нейтральных капиталистических стран.

Тут надо еще отметить одно существенное обстоятельство, вытекающее из описанного положения внешней торговли военных лет. Забастовка в экспорте мировых стран заставила приспособляться к новому положению их старых покупателей.

Другими словами, отказ Англии, Франции и Германии от снабжения заокеанских стран дал огромный толчек к развитию в них собственной индустрии. Они, естественно, стремились заполнить образовавшиеся пустоты своими силами. И этот форсированный рост промышленности в Австралии, Индии, Канаде и даже отчасти на Дальнем Востоке, навсегда лишил мировые страны их прежнего положения в этих концах земного шара. На нашей планете стало еще теснее для мирового капитализма.— Этот факт разрыва колоний и метрополий в результате войны имеет по-истине мировое значение.

* * *

Приведенные цифры о продукции и о торговле характерны именно для военных лет. Последующей эпохи они сами по себе нисколько не предрешают. Но в период войны развились и такие явления, которые должны были иметь огромное значение для *дальнейшего* развития мирового хозяйства. На это *наследство,* оставленное войной, нам важно обратить особое внимание.

Это наследство выразилось прежде всего в колоссальной *задолженности* воевавшей Европы. Большинство государств, участвовавших в войне, фактически обанкротились и только номинально, среди всеобщего несчастья, не объявляют об этом. На этот счет опять-таки стоит привести цифры (в милл.):

	Долг 1913 г.	Долг в начале 1920 г. Внутренний.	Внешний.	Всего в долларах [1].	Отношение к гос. доходу 1920 г.	Долг в начале 1920 г. на 1 душу населения в долларах [1].	% к доходу одного жителя.
Англия (ф. ст.) . . .	706	6.603	1.279	26.602	5,5	672	151
Франция (франки) . .	33.637	185.728	33.660	12.725	10,0	479	180
Соед. Штаты (долл.) .	1.028	25.484	—	25.484	4,2	263	34
Германия (марки) . .	5.158	194.000	3.000	2.285	7,0	88	86
Италия (лиры). . . .	15.281	57.888	20.220	2.734	7,5	124	95
Бельгия (франки). . .	4.626	17.903	1.687	1.213	5,1	225	?
Голландия (гульдены).	1.161	2.764	—	823	4,5	141	?
Япония (иены). . . .	2.719	2.216	1.311	1.736	2,9	30	38

[1]) По курсу июня 1920 г.

Отсюда видно, как дорого стоила война *государствам*, как таковым. У одной только Японии долг за войну возрос незначительно; у остальных воюющих — колоссально. Последние три столбца таблицы говорят о том, какой тяжестью ложатся военные долги на отдельные страны. Особенно тяжело, как видим, приходится Франции.

Основные массы долгов сделаны на своих внутренних рынках. Соед. Штаты ничего не должны Европе. Напротив, вся воевавшая Европа должна Америке. К 1-му июля 1920 г. долг Соед. Штатам исчислялся (в милл. долл.): Англии—5,049, Франции—3.247, Италии—1.656, Бельгии—414, России—263, Японии — 102, Румынии — 25, —всего почти 12 милл. долл. Кроме Америки, ссужала и Англия; но она сама должна Соед. Штатам почти всю сумму своих ссуд меньшим европейским братьям-разбойникам.

Все это означает совершенное расстройство государственных финансов воевавших держав. В Европе только одна Англия имеет шансы в недалеком будущем свести концы с концами... Огромные дефициты, конечно, покрываются по преимуществу выпуском бумажных денег. Вообще с 1914 г. центральные эмиссионные банки превратились в аппараты финансирования войны, а деньги стали только платежным средством, утратив способность быть мерилом ценностей. Это было неизбежно при неслыханном бумажном наводнении Европы. Бумажных денег было в обращении на милл. фун. стерлингов:

	Англия.	Франция.	Соедин. Штаты.	Германия.	Италия.	Япония.	Австро-Венгрия.
1913 г. . .	30	229	536	128	111	44	104
1918 „ . .	393	1.210	1.001	1.588	555	117	1.483

В Соед. Штатах и в Японии имеется надлежащее золотое покрытие. Из европейских стран его не имеет даже Англия. Во Франции, Германии, Италии, Австрии — поток бумажек совершенно затопил народное хозяйство. Нейтральные страны также увеличили бумажное обращение в 3—4 раза; и даже заокеанские колонии последовали примеру Европы.

Вот это было неизбежное и чрезвычайно важное наследство войны. Его результаты понятны. Во-первых, это расстройство всей денежной системы; во-вторых, это полное

сокрушение валютной устойчивочти, т.-е. нарушение всех основ международных экономических отношений...

Бумажные потоки повсюду вызвали обесценение денег на внутренних рынках. В связи с сокращением продукции это породило „дороговизну“. Об ее размерах в отдельных странах дадут представление цифры-показатели оптовых товарных цен. Средняя цена на главнейшие товары для 1913 года тут принята за 100; тогда как в следующие годы войны цены росли таким образом:

	Англия.	Франция.	Соедин. Штаты.	Италия.	Япония.	Швеция.	Голландия.
1913 г. . .	100	100	100	100	100	100	100
1914 „ . .	101	103	99	95	96	116	106
1915 „ . .	124	141	100	133	97	145	149
1916 „ . .	160	190	123	200	117	185	233
1917 „ . .	209	263	175	306	149	244	298
1918 „ . .	230	341	196	409	196	339	398

В Соед. Штатах и в Японии, которые сохранили свою валюту, цены возрасли вдвое. Это было результатом сокращения производства *не для войны.* В Европе цены повысились в $2^1/_2$ — 4 раза. Это объясняется *порчей денег.* И мы видим, что нейтральные страны тут разделяют участь воевавших. — Само собой разумеется, что ценность денежной единицы на внутренних рынках, при финансовом развале Европы, не могла быть восстановлена после войны, до сих пор. От этого наследства отказаться мировому хозяйству не было никакой возможности.

Но еще важнее падение европейских валют по отношению к американскому доллару, а также падение воевавших валют Европы по отношению к нейтральным. Надо сказать, что фунт стерлингов, благодаря американскому кредиту, в течение *военных лет* сохранял устойчивость по отношению к доллару; но как только кончилась война, а с нею и дружба, фунт стерлингов сейчас же пополз вниз. Впрочем, опять-таки лучше всего скажут цифры:

На бирже Нью-Йорка платили:

	Долларов за фунт. ст. (Лондон).	Центов за франк (Париж).	Центов за франк (Швейцария).	Центов за марку (Италия).	Центов за марку (Берлин).	Центов за крону (Вена).	Центов за гульден (Амстердам).	Центов за иену (Япония).
Янв. 1920 г. .	3,75	8,93	19,30	15,72	2,00	0,06	37,50	49,85
Паритет . . .	4,87	19,30	20,28	19,30	23,83	20,26	40,19	49,85

На бирже в Лондоне платили за фунт стерлингов:

	Долларов (Нью-Йорк).	Франков (Париж).	Франков (Швейцария).	Лир (Италия).	Марок (Берлин).	Флоринов (Амстердам)	Крон (Стокгольм).
Январь 1920 г. . . .	3,75	40,90	21,14	49,90	17,55	10,06	17,48
Паритет	4,87	25,28	25,22	25,22	20,43	12,11	18,16

Фунт стерлингов склонился перед долларом, как никогда. Но что значит его падение перед унижением франка, марки и австрийской кроны! Зато Япония сохранила паритет, а нейтральные—достаточно устойчивую валюту. Швейцарский франк даже (моментами) имел преимущество. На лондонской бирже *все* нейтральные проявили бо́льшую устойчивость, чем фунт стерлингов; но все воевавшие оказались гораздо ниже.

После войны, под влиянием вызванной ею финансовой разрухи, мир разделился на два лагеря: с устойчивой и с падающей валютой. Это должно было иметь чрезвычайное значение для последующего хода мировой экономики. Дальше мы будем иметь дело с последствиями этого факта.

Война, однако, оставила нам и еще немалое наследство. Оно заключается в непосредственных результатах самого факта войны, т.-е. *разрушении богатств*... Все то военное производство, о котором шла речь выше, имело совсем особый смысл: подавляющая доля всей продукции была предназначена для *непроизводительного* потребления. Подавляющая доля всех продуктов тяжелой индустрии была создаваема только для того, чтобы быть средством разрушения всякого рода ценностей. Сколько их было уничтожено? Достоверной ста-

тистики этих неимоверных разрушений быть не может. Но, во всяком случае, мы имеем официальные исчисления военных убытков, которые даже положены в основу международных расчетов после войны! Каждая из стран-победительниц, согласно Версальскому договору, к 1-му мая 1920 года, предъявила свой счет за военные протори и убытки. Вот этот синодик в своей главнейшей части.

Счет Франции выражается в сумме 218.542 милл. франков. Из них на долю уничтоженных зданий приходится 37 миллиардов, на долю оборудования 25 миллиардов, прочих потерь промышленности 39 милллиардов, незастроенных (с.-х.) участков — 21 миллиард, за погубленный флот — 5 миллиардов и т. д. Франция, конечно, понесла наибольшие убытки и от непосредственного разрушения ее богатств.

Ежегодную сумму, потребную для восстановления разрушенных областей, она исчисляет в 16 миллиардов франков, причем, в своих бюджетных расчетах, она, разумеется, целиком перелагает эту сумму на Германию. Кроме того, Франции приходится ежегодно расходовать, в результате войны, 740 милл. руб. на пенсии: ей приходится содержать 1,5 — 1,7 милл. человек больных и увечных, 700 тыс. вдов, 700 тыс. пар нисходящих родственников погибших на войне, 400 тыс. сирот. Убытки не малые! Если так тяжел был процесс войны, то стало быть уже очень благодетельны должны быть ее результаты.

Счета других победителей гораздо меньше, но все же: Англия предъявила убытков на 2,542 милл. фунтов стерлингов плюс 763 милл. фунтов за погибший флот; Бельгия — около 37 миллиардов франков; Югославия — 8,494 милл. динаров плюс 19.219 милл. франков; Румыния и Греция— около 35 милл. франков; Польша 22,5 милл. зол. франков; Япония—832 милл. иен; Бразилия — 1.216 милл. фунтов стерл. и т. д. Сюда не вошли ни Соед. Штаты, ни Россия, — не признающие Версальского мира. Россия могла бы основательно увеличить этот счет. Но могла не мало насчитать и Германия, особенно же Австрия и Турция, если бы им было с кого требовать возмещений.

Приведенный счет, как известно, безмерно преувеличен. Пресловутый Кейнс исчисляет убытки от разрушений всего в 20 миллиардов зол. рублей. Но ведь даже и эта цифра

огромна: она вдвое превышает все национальное достояние богатейшей Бельгии.

Разрушение богатств было такое, как будто бы всю Европу постигло огромное землетрясение. Но этого мало. За время войны, при бешеном производстве средств разрушения, почти не восстанавливался промышленный основной капитал. Не восстанавливался, но изнашивался ускоренным темпом. Это было новым, самостоятельным источником уничтожения ценностей. По некоторым расчетам, помимо непосредственно истребленного промышленного имущества, основной капитал, необходимый для производства, сократился в воевавших странах, примерно, на одну треть [1]).

Итак, во-первых, львиная доля производства ради *непроизводительного потребления*; во-вторых, — непосредственное истребление несметных богатств; в третьих, — изнашивание и невозмещение основного капитала. В общем это называется разорением. И его также оставила в наследство война.

* * *

Однако, казалось бы, мы должны совсем неодинаково расценивать различные виды этого наследства. Те виды его, о которых речь шла выше, т.-е. расстройство денежного обращения и исковерканная валюта—во всяком случае крайне вредны для дальнейшего экономического развития. Но истребление и перерыв в производстве богатств? Можно ли считать это *минусом* для мирового капитала?

Ведь именно в этом заключался объективный смысл войны. Ведь мировой капитал задыхался от избытка созданных им благ, и именно их уничтожение должно было вернуть утраченный простор на земном шаре не в меру разросшемуся чудовищу. Расчистив себе место огнем и мечом, оно могло теперь, казалось бы, расправить свои члены и получило возможность дышать.

---

[1]) Как известно, все убытки *этого* рода, убытки национального хозяйства и государства не „возмещаются" в силу Версальского договора, а потому и не учитываются. Германия ведь „не платит контрибуции", а только справедливо возмещает убытки частных лиц, ею причиненные.

Правда, дело немного осложняется тем, что *мировой* капитал это есть совокупность *национальных* капитализмов. Т.-е. отдельные *части* мирового капитала чувствовали себя самостоятельными целыми, живущими собственной, независимой жизнью. И когда наступила пора предать уничтожению излишнее бремя накопленных богатств, то эти отдельные части, борясь за свое существование, стремились уничтожить *друг друга*. Стремясь сохранить все свои ценности, они желали уничтожить материальную культуру *соседа*... Но все это ровно ничего не меняет. Это лишь субъективная, несущественная сторона дела.

Объективно же, мировой капитализм именно уничтожением той или иной своей части, именно выведением из строя тех или иных национальных капитализмов — должен был добыть себе необходимый простор под солнцем и обеспечить себе дальнейшее существование в лице победивших национальных частей.

Процессом разрушения война, повидимому, выполняла свою историческую миссию. Процесс этот шел вполне успешно и был доведен „до конца". Одна из боровшихся сторон была выведена из строя. Победитель сделал с ней все, что хотел. Некогда могучая Германия, от которой не было житья „великим демократиям", была вполне покорена, подчинена, порабощена ими. Она стала экономически существовать лишь постольку, поскольку позволяют или приказывают победители.

Все это означает, что война 1914—1918 годов, повидимому, достигла своих целей, выполнила свое назначение и исторически оправдала себя.

Так это или не так?

Ответ на этот вопрос нам дадут прежде всего опять-таки факты и цифры. Они расскажут о том, как развивалось мировое хозяйство на просторе, *после* войны... Но само собой понятно, что под мировым хозяйством теперь надо понимать нечто совсем иное, чем мы понимали до сих пор. Теперь, после войны, огромная часть мира, в лице Германии, Австрии и „изменившей" России, экономически уничтожена. Было бы странно искать здоровья и расцвета в этой части прежнего мира. После войны мир разделился на победителей и побеж-

денных. Мировой капитал теперь может жить и процветать именно в лице первых, за счет последних. Только в странах-победительницах война и победа могли достигнуть своих целей и выполнить свою историческую миссию. Поэтому именно победившие страны и их послевоенное экономическое развитие представляют для нас главный интерес.

III. Послевоенный кризис.

С окончанием войны условия развития мировой промышленности радикально изменились. Работа на войну, по заказам государства, кончилась. Индустрии воевавших стран пришлось в спешном порядке перестраиваться для обслуживания мирных нужд и для сбыта на свободном рынке. Ясно, что это не могло обойтись без тяжелых и болезненных пертурбаций.

Прежде всего, по окончании войны прекратилась кредитная помощь Америки Европе; точно так же, как Англия отныне предоставила самим себе более слабых союзников. Это вызвало резкие колебания валюты. Об этом уже была речь выше, и это наследство войны не изжито доселе.

Но само собой разумеется, что период *демобилизации* промышленности всех воевавших (а в значительной степени и нейтральных) стран должен был явиться периодом временного *кризиса производства*. Демобилизуемые армии, несмотря на огромные потери, не могли разместиться в промышленности, где шла чистка, уборка и перетасовка для новых целей. Затруднения были неизбежны.

Но, конечно, они были *временны*. Промышленность и торговля воевавших стран быстро приспособились к новым требованиям. А поле деятельности было необъятно. Повсюду до крайности оскудели средства потребления и износились средства производства. Надо было и *можно* было развертывать производство в неограниченных размерах. С весны 1919 года уже начался промышленный подъем.

Страны-победительницы захватили все колонии и экзотические рынки побежденных, они присвоили себе почти весь австро-германский флот. Они остались полными господами на мировом рынке; но и на своих собственных оскудевших рынках и у них дела было по горло. Казалось, простор необъятен.

Казалось, победившие „национальные капитализмы“ имеют перед собой все условия для безмятежного процветания.

Однако, через год, весной 1920 года, появились тревожные признаки. Началось с далекой Японии; у этой победительницы пошатнулось положение текстильной индустрии. Это было сигналом. Затем покатилась вниз вся конъюнктура победившей Европы и Америки. Начался кризис и достиг степеней не только неожиданных, но и чрезвычайно жестоких И острота кризиса равнялась его упорству. Падение мирового хозяйства в еще невиданные глубины продолжалось целых полтора года.

Мы должны поближе познакомиться с развитием мирового хозяйства за этот период. Чтобы не слишком детализировать цифры, мы возьмем их за целые годы — включительно до 1921-го, когда мировое хозяйство достигло максимальной глубины падения. Обратимся к цифрам, которые скажут сами за себя. Прежде всего будет небесполезно взглянуть на индексы товарных цен, это один из лучших и достовернейших показателей промышленной конъюнктуры [1]). Картина движения цен после войны такова:

	Англия.	Соед. Штаты.	Франция.	Италия.	Япония.	Швеция
1913 г. средн.	100	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1918 „ „	229,226	203,2	339,2	409,1	195,9	339
1919 „ „	253,242	202,7	355,6	365,8	239,5	331
1920 „ „	295	197,2	509,3	624,3	257,9	347
1921 „ „	182	122,3	344,9	577,5	200,5	211

Действительным показателем конъюнктуры индексы являются только в странах устойчивой валюты, т.-е., в сущности, только в Англии, в Японии, и Соед. Штатах. Для других же стран индексы достоверно показывают только *падение*: противоположная тенденция может наблюдаться именно за счет понижения курса денежной единицы.

Однако, повсюду картина приблизительно одна и та же. По окончании войны, среди скудости и бестоварья, цены продолжали расти. В некоторых странах они несколько пали

[1]) К сожалению, индексы различных источников нередко решительно противоречат друг другу. Так, резко не совпадают и делают основание для различных выводов американские индексы Brandsteet и Bureau of Labor. Мы берем первый источник.

в период демобилизационной неурядицы; но глубоких причин для этого не было, и до весны—лета 1920 года конъюнктура все крепла. Даже в Англии цены поднялись *втрое*, сравнительно с довоенными. Во Франции же и в Италии они переросли довоенные в $5^1/_2 — 6^1/_2$ раз.

Весной 1920 г. наступил перелом. Повсюду цены стремительно покатились вниз. Даже в Германии, с ее совершенно обесцененной маркой, можно было наблюдать сначала стабилизацию, а потом падение цен. В победивших странах Европы это сползание происходит до сих пор, до конца 1921 г. В Англии и Соед. Штатах цены стремятся к довоенному уровню и уже не так сильно превышают его. За этими хозяевами мира следуют Япония и Швеция. Остальным еще очень далеко до уровня 1913 года. Но падение цен до самого конца 1921 г. происходило и в Дании, и в Голландии, и в Норвегии, и в Швейцарии, и в Канаде.

Но дело в том, что довоенные цены были уже совсем не ко двору. Издержки производства теперь совсем иные. И это стремительное падение цен в течение полутора лет знаменует собой прогрессирующие ухудшения конъюнктуры и развитие глубочайшего кризиса.

* * *

Совершенно аналогичную картину мы увидим, если обратимся к другим показателям положения мирового хозяйства. Возьмем *спрос на капитал* со стороны промышленности двух столпов мира. В годы войны он сильно сократился в Англии (с 88 до 5 — 11 — 33 милл. фунт. ст.) и довольно вяло возрастал в Соед. Штатах ($3,_2 — 4,_9 — 6,_1$ милл. долл.). После „демобилизационного" перерыва английская промышленность предъявляет спрос сразу на 220 и 309 милл. ф. ст. (1919 и 1920 г.г.); а Соед. Штаты, для расширения старых предприятий и для создания новых, требуют в те же годы 20 и 18 милл. долл. Мировая промышленность спешила возместить военный упадок и заполнить пустоты рынка.

Но очень скоро она натолкнулась на какую-то преграду. С начала 1920 года начинает резко сокращаться деятельность крупнейшего эмиссионного центра Европы: в первую четверть

этого года Лондон выпустил ценных бумаг на 135 милл. ф. ст., в последнюю — на 73 милл. В 1921 г. дело шло все хуже и хуже: за весь год промышленность предъявила спрос на 93 милл. фунт., из них в первую четверть 28 милл., во вторую — 36 милл., в третью — 16 и в четвертую — 13. По ту сторону океана на фондовом рынке также становится год от года все „тише“ после первоначального подъема: в Нью-Йорке за 8 первых месяцев 1919 г. были зарегистрированы сделки с 200 милл. акций, в 1920 г. — с 151 милл., и в 1921 г. — с 114 милл.

Любопытно, какое *назначение* имеют после войны британские капиталы. В 1920 г. из 481,2 милл. всей эмиссии (включая государство и муниципалитеты) 413,6 милл. было затрачено в Великобритании и лишь около 30 милл. пошли в колонии и заграницу; из 186 милл. фунтов, затраченных в 1921 г., уже 68 милл. были экспортированы. Дальше мы увидим, что европейские и азиатские меньшие братья нуждаются в капиталах, но не в товарах старой Англии.

Падение товарных цен и сокращение эмиссий тесно связаны между собой. Связующим звеном тут является падение доходности промышленных предприятий. Отчеты 232 англ. компаний свидетельствовали, что прибыль сравнительно с 1920 г. сократилась почти вдвое — с 16,6 до 8,4%.

Но обратимся непосредственно к послевоенной продукции. Опять-таки возьмем основные отрасли — уголь, железо и сталь.

Уголь (милл. тонн, средн. в мес.).

	Англия.	Соед. Штаты.	Франция.	Германия.		Бельгия.
				Кам. уг.	Бурый уг.	
1913 г.	24,3	43,1	3,4	14,4	7,3	1,9
1918 „	19,2	51,8	2,2	12,3	8,3	1,9
1919 „	19,5	41,2	1,8[3])	8,9	7,8	1,5
1920 „	19,4[1])	48,8	3,0	11,0	9,3	1,9
1921 „	13,8[2])	38,3	3,2	11,3	10,2	1,8

[1]) В декабре была забастовка.
[2]) Три месяца была забастовка.
[3]) С Эльзас-Лотарингией, как и дальше.

Чугун (в тысячах тонн, средн. в мес.).

	Англия.	Соед. Штаты.	Франция.	Бельгия.
1913 г.	869	2693	437	207
1918 „	768	3308	108	—
1919 „	627	2627	201	21
1920 „	680	3083	276	93
1921 „	222	1401	280	73

Сталь (в тысячах тонн, средн. в мес.).

	Англия.	Соед. Штаты.	Франция.	Бельгия
1913 г.	659	2651	368	206
1918 „	812	3766	150	—
1919 „	669	2936	182	28
1920 „	768	3461	241	104
1921 „	314	1628	255	66

Глубина экономического упадка за полтора года, начиная с весны 1920 г., вырисовывается здесь с достаточной ясностью. Но мы видим этот упадок именно в странах-победительницах. Промышленный кризис не коснулся в эти годы побежденной Германии. Положение этой скованной, порабощенной и униженной страны было совершенно особое. Пока мы оставим ее в стороне и комментируем этот кажущийся парадокс в дальнейшем.

О том, что принес мировому хозяйству 1921-й год, можно судить также по таким кратким цифрам.

Мировое производство *чугуна* исчисляется в 35,6 милл. тонн. Это составляет 43% продукции 1913 года. Соед. Штаты произвели 52% своей довоенной выплавки, Англия—25%, Германия—42%, Франция—57%, Бельгия—35%, Канада—62%, остальные 52%... Мировое производство *стали* исчисляется для 1921 г. в 40,7 милл. тонн, вместо 74,6 милл. 1913-го года. Примерно ту же картину показывает и добыча угля. Но во всех отношениях особенно пострадала Англия. Продукция ее тяжелой индустрии в 1921 г. значительно *ниже* знакомых нам цифр английской продукции 1886 г.! Но и в других странах положение дел несколько напоминает иной „геологический“ период.

В Соед. Штатах в декабре 1921 г. работало 125 доменных печей из 436; в Англии в конце ноября—82 из 490;

в Бельгии—в июле 14 из 54; в Швеции—в июле же из 135 только 20. Как будто этих цифр достаточно для уяснения объема кризиса 1920—1921 г.г.

Мировая продукция тяжелой индустрии была отброшена назад на целые десятилетия.

Послевоенная *текстильная* индустрия главнейших стран представляла в общем ту же картину. Во время войны она не пользовалась таким попечением, как средства непосредственного разрушения. И к периоду демобилизации мировое потребление хлопка сократилось очень сильно: с 20 милл. кип в 1914 г. до 15,7 милл. в 1919 г. Затем наступил подъем (до 17,6 милл. в 1920 г.). Соед. Штаты, владыка текстильного сырья, достигли высшей точки именно в начале 1920 г., превысив довоенное и даже военное производство.

Но именно текстильная промышленность подала сигнал к мировому кризису. И ее падение было не менее головокружительным.

Только началось оно несколько раньше, чем в тяжелой индустрии: оно скатилось до минимума уже к концу 1920 года, и снова поднялось, хотя далеко не достигло высшей послевоенной точки,—к концу 1921 года: за год с 1 авг. 1920 г. по 31 июля 1921 г. было переработано только 15 милл. кип хлопка, минимум с начала войны.

Теоретически—оно не может быть таким *длительным* и *упорным*. Вырабатывая предметы первой необходимости для непосредственного потребителя, текстильная индустрия имеет тот или иной твердый минимум потребления, ниже которого на долгое время производство спуститься не может. Тем не менее и здесь кризис оказался жестоким.

* * *

В соответствии с уровнем товарных цен и с сокращением производства—происходит нечто совсем необычайное и на *рынке труда*. К сожалению, в Америке не учитывается, как должно, число безработных. Но во всяком случае оно достигало в описываемые годы приблизительно 6 милл. человек. Однако, еще красноречивее более совершенные данные о безработице в Европе.

Эти цифры настолько показательны, динамика их так любопытна, а „движение“ безработицы так интенсивно, что мы на этот раз приведем их помесячно, начиная с момента перелома, с весны 1920 года. Для сравнения же мы приведем данные, так сказать, о „нормальной“ безработице—до войны (в 1913 г.) и во время войны (в 1918 г.).

%/о безработных среди членов крупнейших тред-юнионов.

	Англия.	Германия.	Канада.	Швеция.	Бельгия [1]).	Дания.
Средн. за 1913 г.	2,1	2,9	—	4,4	—	7,3
„ „ 1918 „	0,8	1,3	1,4	4,4	—	9,1
1920 г.						
Май	1,1	2,7	2,0	2,9	—	2,8
Июнь	1,2	1,0	2,5	3,4	—	2,0
Июль	1,4	6,0	2,6	2,8	—	2,1
Август	1,6	5,9	4,0	3,0	—	2,4
Сентябрь	2,2	4,5	8,3	2,9	—	2,0
Октябрь	5,0	4,2	6,0	4,3	7,2	3,6
Ноябрь	3,7	3,9	10,0	7,0	6,4	6,1
Декабрь	6,1	4,1	13,4	15,8	17,4	15,1
1921 г.						
Январь	6,9	4,4	13,1	20,2	19,8	10,7
Февраль	8,5	4,7	16,1	20,8	22,7	23,2
Март	10,0	3,7	16,5	24,6	31,5	23,6
Апрель	17,6 [2])	3,9	16,3	24,2	31,2	21,7
Май	22,2 [2])	3,7	15,5	25,3	32,6	19,6
Июнь	23,1 [2])	3,0	13,1	27,9	22,9	16,6
Июль	16,7	2,6	9,1	27,8	21,4	16,7
Август	16,3	2,2	8,7	26,8	21,7	17,7
Сентябрь	14,6	1,4	8,5	26,2	17,7	16,6
Октябрь	15,6	1,2	7,4	27,2	13,6	18,3
Ноябрь	15,9	1,4	11,1	28,6	13,9	20,8
Декабрь	16,5	1,6	15,1	—	11,4	25,2

На рабочем рынке Европы, как видим, происходит в этот период нечто невиданное. „Резервная армия“ капитала при-

[1]) Процент относится не к членам проф. союзов, а к участникам касс безработных и охватывает, кроме вполне безработных, еще работающих частично.

[2]) Здесь в подсчет включены многие бастовавшие углекопы (во время знаменитой трехмесячной стачки в 1921 г.), и стало быть цифры сильно преувеличены. Это нарушает правильность статистическаго ряда и затушевывает последовательный рост безработицы до конца года.

няла настолько чудовищные размеры, что, казалось бы, при наличии соответствующей воли, ей ровно ничего не стоило бы в полчаса времени опрокинуть и уничтожить все политические основы капиталистического строя... В абсолютных числах—в Англии, к концу года, эта армия составляла около 2,5 милл. человек. В Италии число безработных исчислялось тогда же приблизительно в 1 милл., а с полубезработными около 1,6 милл. Катастрофа в нейтральных странах не меньше, а больше. Только одна разоренная Германия составляет блестящее исключение; но о ней речь будет дальше.

Из победительниц лучше всего обстоит дело во Франции. Там безработные, правильно сокращаясь в числе, достигли к концу года всего 9—11 тыс. человек. Но тут опять-таки играют роль особые факторы. Во-первых, Франция продолжает держать под ружьем огромный процент своего рабочего населения; безработица тут и не могла пустить корни—независимо от состояния народного хозяйства. А во-вторых, здесь огромные кадры рабочих поглощаются до сих пор процессом восстановления разрушенных французских областей—за счет немецкой контрибуции. К 1 сентября 1921 г. из 4.805 промышленных предприятий, пострадавших от войны, 3.824 или 79,5% были восстановлены. Но больше 3.000 предприятий работают не полным ходом, а около половины их—в размере менее 50%.

* * *

Необходимо теперь остановиться на *внешней торговле* после войны. Вот общие данные — по 1920 год (в миллионах фунтов стерл. в среднем за месяц):

	Англия.			Соединен. Штаты.			Франция.		
	Обороты		Экспорт	Обороты		Экспорт	Обороты		Экспорт
	по ценам каждого года.	по ценам 1913 г.	по ценам 1913 г.	по ценам каждого года.	по ценам 1913 г.	по ценам 1913 г.	по ценам каждого года.	по ценам 1913 г.	по ценам 1913 г.
1913 г. . .	99	99	44	73	73	43	51	51	23
1918 г. .	149	65	18	156	80	54	90	26	5
1919 г. . .	188	74	26	199	94	64	159	44	11
1920 г. . .	254	79	35	229	94	56	193	38	15
1921 г. . .	140	70	30	115	78	50	150	43	21

Торговые международные обороты продолжали расти и после войны. Это, несомненно, обогащало экспортеров. Но это не значит, что внешняя торговля увеличивалась; это значит, что товары дорожали. После военного разрыва международных связей, обороты стали расти не только у Соед. Штатов, но и в Европе. Но только в заокеанских странах—в Америке и в Японии — размеры внешней торговли увеличились к 1920 году сравнительно с довоенным временем. И в Англии, и во Франции, и в Италии, и в Бельгии обороты сильно сократились.

И тут движение цен обернулось к экспортерам своей жесткой стороной. Торгово-промышленный капитал шатался и терял миллиарды даже тогда, когда массы экспортируемых товаров не уменьшались. Вывозя *больше* товаров, получали *меньше* и терпели бедствия. А чтобы удержаться на прежнем уровне экономической силы, стало необходимо вывезти *больше*.

Но 1920-й год был лучшим. Дальше пошло гораздо хуже.

В 1921 г. и Соед. Штаты не избегли общей участи: они сократили экспорт на 47% (4.425 милл. долл. против прошлогодних 8.228). Но и *реальный* вывоз уменьшился на 20%,— главным образом, за счет хлопка и стальных изделий. Вывоз сократился именно в Европу, но не в заокеанские страны. Между прочим, в декабре 1921 г. в Соед. Штатах наблюдалось невиданное явление: *пассивный* торговый баланс.

Для Соед. Штатов внешняя торговля не есть вопрос жизни и смерти. Другое дело Англия, которая без экспорта и импорта задохнется через месяц. Следующие цифры несравненно важнее предыдущих: за 1921 год Англия, сравнительно с предыдущим годом, сократила свой экспорт почти в два с половиной раза. За счет каких товаров? Лучше всего положение дел выяснится из следующих цифр:

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.
	(милл. тонн или милд. кв. ярд.).			(милл. фун. стерл.).	
Уголь	73,4	24,9	24,6	99,6	42,9
Железн. и стальн. изделия . .	4,9	3,3	1,7	128,9	63,8
Хлопчатобумажн. пряжа . . .	210,0	147,4	145,9	47,6	23,9
Хлопчатобум. ткани (мд. кв. ярд.)	7,075	4435,4	2,902	315,7	137,2
Шерст. ткани	105,8	187,2	76,6	75,2	24,6
Льнян. изделия	193,7	93,0	40,0	14,9	5,3

Здесь все ясно без пояснений. Сокращение огромно, — можно сказать, катастрофично. Увеличился сравнительно с 1921 г. только экспорт шерстяной пряжи; но вырученная за него сумма—увы!—упала с 116 до 47 милл. фунт. стерл. В январе, впрочем, стали сообщать об оживлении на шерстяном рынке...

Английские текстильные товары, бывало, находили неограниченный сбыт в многомиллионной Индии и в других колониях. Но во время текущего кризиса Индия поступила со своим владыкой по-истине непочтительно: она крайне несвоевременно обесценила свою валюту. В месяцы подъема цена на серебро доходила до 80 пенсов за унцию; в 1921 г. она спустилась до 39 — 37 пенсов. Это решительно подорвало английский экспорт на Восток.

Из всего английского вывоза, кроме шерстяной пряжи, поднялся еще (в августе) экспорт текстильных машин. На них продолжался большой спрос с Востока, и это чуть ли не единственная отрасль английской промышленности, которая сейчас чувствует себя не плохо. Индия и другие страны-потребители лихорадочно развивают свою текстильную индустрию. Уже было указано, что толчек этому дала война. Но не поздоровится впредь английской промышленности из-за этого спроса на ее текстильные машины. А в последнее время Англия получила еще один сюрприз: в Индии образовался стальной трест! Это грозное предостережение. Мир радикально преобразуется. К прошлому возврата быть не может. И, в частности, послевоенная конъюнктура вцепилась мертвой хваткой в промышленный капитал старой Англии.

Лучше обстоит дело во Франции. В 1921 г. *импорт* ее в натуре сократился; это сокращение произошло главным образом за счет промышленного сырья. Но натуральный экспорт Франции даже увеличился (за счет тех же товаров). В результате Франция в 1921 г. удивила мир давным давно невиданным активным торговым балансом (опять-таки в натуре). Вот что значит приобрести по выгодной цене, за каких-нибудь три миллиона молодых жизней, 75% германской руды!.. Однако, не надо спешить с выводами. Во-первых, возросший в натуре экспорт, как видно из приведенной таблицы, дал все же *уменьшение* ценности. Во-вторых, конец 1921 г. дал

снова *пассивный* баланс, опрокинув все расчеты оптимистов. Особенно сильно сократился (по ценности) экспорт французских фабрикатов. Между тем, валюта Франции находится далеко не в таком блестящем состоянии, чтобы задерживать экспорт, а именно в таком, чтобы ему способствовать.

Вообще, как известно, в настоящее время валютные соотношения играют решающую роль в международном товарообмене. Страны устойчивой, высокой валюты, Соед. Штаты и Англия — ныне как бы окружены таможенным барьером, препятствующим экспорту. И высота этого барьера равна величине премии, какую имеет валюта экспортирующей страны перед валютой своего покупателя. Напротив, страны низкой валюты получают премию за экспорт в страны высшей валюты. И все это порождает чрезвычайные трудности для развития мирового хозяйства после войны.

Сомнительная валюта победительницы *Италии*, несомненно, поддерживает ее вывоз. Иначе ей приходилось бы еще труднее, так как за войну некоторые стороны ее индустрии не в меру разбухли. Этому странному противоречию — добру от худа, как и худу от добра — не следует удивляться: оно составляет характернейшую черту послевоенного капитализма... Что касается Италии, то к 1918 году (с 1913-го) она в два с лишним раза увеличила свой вывоз по действительным ценам, и втрое уменьшила его натурой. Но затем итальянский экспорт стал расти — до 1921 года. Тут кривая снова пошла вниз.

Но Италия не имеет для нас значения. Важно то, что падение валюты в последнее время форсировало до бешеного темпа экспорт разбитой, порабощенной, скованной *Германии*. Мы до сих пор лишь мимоходом касались положения ее хозяйства. Но мы уже отметили парадокс ее „процветания“ на общем фоне мировой разрухи. На самом деле, вот что произошло в Германии в разгар кризиса у победителей.

* * *

Резкое падение марки, т.-е. бешеный рост цен — вызвали в 1921 году огромное оживление германской промышленности. Экспортеры, спекулянты, промышленники бросились

делать закупки и заказы. Оживилась электрическая, железоделательная, текстильная индустрия. С сентября многие фирмы были обеспечены заказами до весны 1922 года. Начался бурный подъем.

В основе этого „добра" лежало „худо". Подъем был вызван падением марки. Но почему падала марка?.. В январе 1921 года за фунт ст. в Берлине платили 262 марки, в конце августа 320, в середине сентября 408, через месяц 614, в начале ноября—1.275. Исходным пунктом этого salto mortale послужил лондонский ультиматум победителей (в мае), в силу которого Германии пришлось в августе уплатить миллиард золотых марок дани. Это значит, что Германии пришлось скупить огромное количество иностранной валюты. За два месяца германский гос. банк учел на 23,6 миллиардов обязательств госуд. казначейства. И этот кредит был употреблен, главным образом, на уплату контрибуции. Кроме того, Германия должна была еще уплатить миллиард золотом плюс 20% с ценности годового экспорта. Наконец, расходы по содержанию оккупационных войск исчислялись в то время в 8,5 милл. (бумажных) марок. Все это должно было породить полный хаос в финансовом и денежном хозяйстве Германии и вызвать полное обесценение марки.

Премия на экспорт из Германии уже в сентябре исчислялась в размере 100%. И Германия, в силу необходимости платить дань, стала распродаваться. Через границы потекло все, что могло быть предназначено для экспорта и что было необходимо внутри страны. Немецкие экспортеры увозят все, что можно и что нельзя, желая за бесценок, но с барышом продать. Иностранцы осаждают Германию, чтобы за бесценок купить. Были созданы некоторые искусственные преграды; но они не могут остановить этот поток... Германская промышленность заработала на всех парах: она лихорадочно вырабатывает дань победителю.

С некоторыми цифрами, свидетельствующими об этом „процветании" германской промышленности, мы уже знакомы. В частности, мы видели почти полное исчезновение резервной армии в Германии в 1921 г. — на-ряду с неслыханной безработицей в странах-победительницах. Тем не менее, подъем германской промышленности происходил в огромной степени

за счет пролетариата. Ибо второй стороной падения марки было, конечно, понижение реальной заработной платы.

Германский экспорт в этот период составлял *в натуре* около *половины* довоенного. Истощенная войной Германия, несмотря на распродажу, больше вывезти была уже не в состоянии. Но получала за свой экспорт Германия только *треть* довоенной выручки. Этого мало: Германия распродавалась, но ее торговый баланс был все же пассивен:

В миллионах марок.

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1921 г. по ценам 1913 г.
Ввоз	10.770	98.136	119.132	9.250
Вывоз	10.097	69.311	99.921	7.900

Несмотря на бешеный экспорт, Германия не покрывает им импорта. Стало быть не только чудовищная контрибуция целиком, но и значительная часть ввоза должна быть покрыта наличными, путем высасывания жизненных соков из народного хозяйства. Но при таких условиях нельзя ли сократить ввоз? Совершенно невозможно. Сокращение ввоза возможно только за счет продовольственных продуктов, т.-е. за счет народного голода. Но тут уже сделано все, что только мыслимо: импорт этих продуктов сокращен вдвое, но это не помогает. Ибо основную массу ввозимых продуктов составляет сырье для промышленности. Если не ввозить их, нельзя ни производить, ни вывозить. Мы знаем, что Версальский мир лишил Германию 75% ее железной руды. Чтобы выжимать из себя соки путем необходимого вывоза, Германия должна... выжимать их из себя путем ввоза. Вывозить тяжко, но не вывозить еще хуже. Отметим и усвоим себе это противоречие германского народного хозяйства. Оно выльется в особую форму и даст себя знать в следующий период послевоенной мировой экономии.

В результате всего сказанного ясно, что особое положение Германии и ее промышленный подъем среди всеобщего упадка и кризиса — меньше всего знаменуют собой укрепление ее хозяйственного организма. Это не расцвет на здоровой почве, а лихорадка на почве тяжелого травматического заболевания.

Но все это имеет значение не только для Германии; ее положение резко отражается на мировой конъюнктуре. Дело заключается в том, что перед дешевой немецкой данью не может устоять не только таможенная защита победителей, но не может устоять и необходимая для них конъюнктура. Германская конкуренция снова выступает на авансцену! Она является одним из существенных факторов упадка победивших стран... И победители, в 1921 г., в раздумье глядя на свою высокую валюту, на груды своих товаров, не находящих сбыта, на растущие армии безработных, на бездействующие фабрики, за замершую жизнь в портах, на „вялые“ и „тихие“ операции в банках,—вздыхали при виде германского расцвета и готовы были формулировать диковинную мысль: счастье побежденным!

Увы,—на деле побежденным так же мало радости от поражения, как победителям от победы.

IV. В поисках спасения.

Итак, мировой капитализм, расчистивший себе просторную дорогу страшным, крайним, последним средством, несказуемыми ужасами войны, всего лишь год вкушал сладкие плоды своего чудовищного преступления. Следующие полтора года он пребывал в состоянии тяжелой болезни.

Но как же это могло случиться? Откуда могла *после войны* произойти теснота и невозможность реализации продукта? Ведь возмещение потерь войны, восстановление довоенных производительных сил требовали многих лет работы. До реставрации прежнего основного капитала и даже прежнего комплекта средств потребления было еще далеко. Раньше было тесно на свете четырем мировым гигантам — с их периферией. Но сейчас один из них выведен из строя и годен только на то, чтобы платить требуемую с него дань. Каким образом на другой же день *трое* не могут разместиться под солнцем?.. Раньше мировой капитализм задыхался среди созданных им богатств. Каким образом после войны он может задыхаться от избытков среди нарочито устроенного им оскудения?

Все это объясняется как нельзя проще. Все эти противоречия—суть элементарные и давно всем известные внутренне-присущие противоречия капиталистического строя.

Мы обозревали выше мировое хозяйство перед войной. Мы наблюдали конфликт великих держав, борьбу „национальных капитализмов". Но тот самый материал, с которым мы имели дело, позволяет нам теперь взглянуть на те же самые процессы под иным углом зрения.

Мировой капитализм не есть механический конгломерат национальных частей, лежащих рядом — „как картофелины в мешке картофеля". Это—единое и неделимое *органическое* целое. Один национальный капитализм, не считаясь с госу-

дарственными рамками и преградами, проникает во все элементы другого. Мы видели, что международный оборот товаров и капиталов в течение десятилетий сращивал воедино не только великие державы с их колониями, но прежде всего и теснее всего — передовые капитализмы *между собою*.

К эпохе великой войны мировой капитал перерос сам себя. Он не мог существовать дальше, ибо не мог расти; и его рост вызвал катастрофу. Но это не самодавлеющие конкуренты бросились уничтожать друг друга. Это мировой капитал, как единый организм, был осужден откусывать собственные члены и пожирать сам себя... Когда разразилась катастрофа, этот живой организм разорвался на две части. И каждая из его национальных частей также была разорвана по живому телу.

Процесс войны был чудовищным, но кратковременным спазмом, который оказалось возможно перенести. Но война имела объективной своей целью уничтожение половины живого организма... И результаты налицо. Старая басня Менения Агриппы!

Передовые национальные капитализмы *не могли* больше существовать вместе. Но они не могут существовать и один без другого. Они *должны* были уничтожить своих конкурентов. Но они должны были *сохранить своих контрагентов*—поставщиков и покупателей. Однако, враг и друг соединились в одном лице... Ныне одна половина капиталистического мира уничтожила другую, питавшую ее.

Мы знаем, что в огромном британском экспорте Германия, как покупательница, играла первую роль: только одна Индия покупала несколько больше. В 1913 году Германия поглотила 10% английского экспорта. После войны, когда страшный конкурент был раздавлен, с января 1919 г. по сентябрь 1921 г., Англия продала в Германию только 3,8% вывезенных товаров. В среднем за месяц 1913 г. Англия продавала там на 5,0 милл. ф. ст.; за месяц того же *послевоенного* периода—только на 2,8 милл. фун. Но это по действительным ценам, крайне высоким и обогащавшим экспортера. *Натуральный* же экспорт Англии в Германию (в ценах 1913 г.) составлял вместо 5—не больше 1,7 милл. ф. ст. Как же должна себя чувствовать при таких условиях британская индустрия?

Это только отрыв от Германии, как *покупателя*. Но Германия, кроме того и поставщик, питавший не только непосредственно потребителя, но и английскую промышленность. В 1913 г. Англия купила в Германии на 80,4 милл. ф. ст.; это составило 10,5% ее импорта. За весь послевоенный период (по 30 сентября 1921 г.) Англия ввезла всего на 36 милл. ф.—по *новым ценам*; это не более 1,5% британского ввоза... Конечно, это с одной стороны—отлично. Это и требовалось. Это и значит устранить конкурента. Но, во-первых, это—болезненная пертурбация в британской индустрии, поскольку Германия давала для нее материал. А во-вторых, ведь если не вывозить, то как же покупать? Как же платить за покупки в Англии?

Соед. Штаты в 1913 г. продавали в Германии, по старым ценам, на 345 милл. долл., а в 1920-м—по новым ценам, на 382 милл. долл. До войны Америка продавала в Германии 14,5% своего экспорта, а в 1921 году - 5,9%. Между тем, Германия необходимо должна покупать американские *сельскохозяйственные* продукты... Что выиграли и что проиграли Соед. Штаты?

С товарообменом самой Германии произошли еще более резкие пертурбации. Но на то она и раздавлена военной силой: тут нечего и спрашивать. Важно то, что *победители* при таких условиях ничего не могли выиграть от победы. Все ткани мирового хозяйства разорваны, весь организм его растерзан, и кризис мирового капитализма 1921 года лежал в самой сути вещей.

На этом не кончаются, однако, его внутренние противоречия... Процесс войны разрушил несметные богатства. Объективно — это было целью войны. Но с точки зрения отдельных национальных капитализмов, которые сохраняли свои субъективные желания и цели, дело обстояло совсем не так. Ни в каком случае они *не желали* и не могли допустить, чтобы были уничтожены *их собственные богатства*. А если уничтожены богатства победителей? Тогда вывод ясен и непреложен: побежденный должен воссоздать, возместить их. Поскольку национальные капитализмы не *сознают* себя органически слитыми воедино, поскольку они преследуют некие групповые, „национальные“ цели, поскольку существуют „наци-

ональные" государства, а не всемирная республика капитала,— постольку иное положение теоретически немыслимо.

Немцы должны заплатить французам за убытки! Если победители-французы *рассуждают*, то они не могут рассуждать иначе... И Германия платит контрибуцию... Контрибуция вытягивает из Германии все соки, и мы уже знаем последствия этого. Но они не ограничиваются тем, что огромный германский рынок уже не может питать победителей. Германская контрибуция, в виде огромной лавины товаров, принудительно выкачиваемых, снова заваливает рынки победителей и является первостепенным фактором кризиса. Не став покупателем и другом, униженная и порабощенная Германия, против собственной воли, против воли победителей, уже стала могучим врагом и конкурентом, от которого снова нет житья. Германия *должна* заплатить. Если она не платит, то это нетерпимо. Но если платит—еще хуже.

Капиталистический мир запутался, завяз, захлебнулся в этих противоречиях. В силу их, капитал задыхается среди простора и оскудения от кризиса перепроизводства; а победители, уничтожив врага, не в состоянии одни разместиться под солнцем.

* * *

Но капитал хотел жить и властвовать. Ведь он совсем не знает, что он переживает эпоху разложения. Он не верит в пришествие всемирной пролетарской революции, которая на его развалинах построит новый мир... Капитал борется за жизнь и лихорадочно ищет путей спасения.

Как запертый в клетке зверь, которого бьют каленым железом, делает судорожные прыжки к потолку, царапает стены, бросается на чугунную решетку в бесплодных попытках избежать ударов,—так международный капитал, проиграв последнюю ставку 1914—1918 года, увязая в трясине собственных противоречий, мечется в поисках спасения от своей судьбы. Он хватается за соломинки, прячется от ливня в воду, бросается из огня в полымя. Но весь ассортимент негодных средств, к которым прибегал мировой капитал в этот период, только доказывал, что дело обстоит неблагополучно.

Вот первая соломинка — пустяковый паллиатив, имевший существенное значение полвека назад. Это спешная постройка таможенных барьеров вокруг внутренних покоев победителей. Таможенную горячку, конечно, начала прекрасная Франция: она повысила свои пошлины на 300%. Но с большой готовностью последовала хорошему примеру и „фритредерская“ Англия. С 1-го октября 1921 г. уже вступил в силу (1-я ч.) „закон о защите промышленности“, так-назыв. Anti Dumping Bill. Продукты особо важных отраслей он облагает в размере *трети* стоимости... Не дали провести себя и американцы. Там в это время был „продлен исключительный тариф“ (тогда, конечно, уверяли, что это лишь временно: только на время затруднений), имевший в некоторой своей части запретительный характер. Принимались и другие меры того же порядка. Был реставрирован, с одной стороны, своего рода „навигационный акт“ Кромвеля, с другой — доктрина Монроэ: Панамский канал — достояние американцев! Торговля с Америкой — на американских кораблях (Джонс-акт)!

Победители „защищаются“ друг от друга, но больше всего от Германии. Под угрозами военных экзекуций от нее требуют по шейлоковским векселям. И она платит. И этим разоряет. Надо защищаться от дани побежденных... Но в общем таможенная защита явно бесплодная мера, которая ни от чего не спасает. Это только признак отчаяния людей, вздумавших напором плеча остановить поезд. Вместе с тем, эта старая проторенная дорожка капитализма не представляет никакого теоретического интереса.

Важнее и интереснее та игра с огнем, в которую бросился мировой капитал. Теоретически тут так же мало любопытного. Это — естественная и необходимая линия меньшего сопротивления, на которую вступила практика без всякой особой идеологии. Речь идет о *наступлении международного капитала на рабочий класс.* Капитал в эпоху кризиса повышает „норму эксплоатации“, наступая на пролетария со всех сторон. Миллионы рабочих собственной спиной поддерживают капитализм в его трудном положении, — поддерживают, все больше и больше сокращая получки и удлиняя рабочий день. Борьба при данной конъюнктуре была почти невозможна.

Но, бросаясь во все стороны, капитал измышлял и другие средства спасения. И некоторые из них как нельзя лучше подчеркивали критические условия мирового капитализма. Опять-таки мысль заправил мировой экономической политики шла по линиям меньшего сопротивления и, по возможности, старыми, торными путями. Капиталам нужно приложение, товарам сбыт,—стало быть, нужно расширить сферы влияния, т.-е. продолжать старую политику империализма. Где еще есть шансы? Куда можно втиснуть что-либо, стоющее внимания?

Прежде всего, это огромная Россия, переставшая—после своей „измены" — экономически существовать для цивилизованного Запада. Связываться с этой Россией крайне неприятно и может стоить очень дорого: это хуже, чем конкурент, это классовый враг, с которым примирение на почве раздела „интересов" невозможно. Но вместе с тем Россия, уже давно пытавшаяся выступать в качестве *субъекта* империализма, всегда была довольно лакомым его *объектом* в глазах мировых держав. Среди послевоенного бедствия на нее были обращены жадные взоры. И классовая политика мирового капитала в 1921 г. затрещала под напором отдельных капиталистических групп, которым до зарезу нужны „сношения" с Россией. В 1920 — 21 г.г., под давлением кризиса, стал окончательно на очередь прорыв блокады.

Однако, еще не приспело время. Пути в страну неограниченных возможностей были еще заказаны.

Имелись в виду и другие „сферы влияния". Нельзя ли уплотнить экспорт в огромный Китай и вообще на Дальний Восток? Во всяком случае необходимо приложить все усилия... Однако, емкость китайского рынка *меньше русского*. Весь импорт Китая в 1913 г. составлял 570 милл. таэлей: это меньше миллиарда рублей. Но 61% этого импорта куплен в азиатских странах. Франция почти не экспортировала товаров на Дальний Восток, а Соед. Штаты и Англия, вместе взятые, продавали в Китае только 1,8% своего вывоза. Тут „интересы" мировых держав выражались больше в различных формах экспорта капитала. Под шумок войны в этих местах хозяином стала молодая, но бойкая Япония.

Вот если бы... ее устранить, то Китай стал бы на самом деле чем-то осязательным в качестве товарного рынка для

западных гигантов. Смешно говорить о том, что дальневосточный рынок, хотя бы поделенный полностью между Англией и Америкой, мог бы разрешить задачу для той и другой. Борьба за этот рынок так же неизбежна, как борьба издыхающих от голода зверей за последний кусочек мяса. Но он не избавит ни от смерти, ни от голода. „Разрешение дальневосточной проблемы" само по себе не могло бы дать отсрочки мировому капиталу ни на один год.

* * *

Но ведь эту „проблему" *нужно еще разрешить*, чтобы Дальний Восток стал чем-то осязательным для нынешних хозяев мира, т.-е. надо устранить Японию. Это — вполне утопическая задача. Но современный капитализм, в поисках спасения, хватается за всякие средства. И тут его „экономическая политика" вступает на весьма любопытный путь.

Как и накануне войны 1914 — 1918 гг., на основе невыносимого хозяйственного положения, действовала *политика*, так лихорадочно работает она и теперь: с одной стороны, трудятся, не покладая рук, военные ведомства, с другой — дипломатия. Конъюнктура, сложившаяся после „войны за мир" (и за прочие „идеалы"), не замедлила показать, что положение запутано до последней крайности, и что многие „насущнейшие проблемы" не миновать опять решать оружием. Дело тут не в одном Дальнем Востоке,—„проблем" целый клубок. Ясно, что победители, самоотверженно и дружно стоящие на страже человечества — в образе „Лиги Наций", никак не могут разместиться на земле. Быстро создались новые группировки, новые „коалиции". Соединенные Штаты с Францией, Англия с Японией.

Для старого гегемона мира, для Англии, Америка всегда была более страшным врагом, чем Германия. Соединенные Штаты, выиграв от войны, получили огромную финансовую власть над Европой. Их *производственные* возможности неограниченны; они владеют нефтью, хлопком, хлебом. Они *должны* иметь внешние рынки в меру своих потребностей. И они *наступают*.

Позиции Англии несравненно слабее: она должник, ее огромная промышленность зависит от чужого сырья. *Эконо-*

мически ей не справиться с Америкой. Необходимо снова браться за *дубье*... Но Америке нет оснований ждать, пока Англия возьмет в руки инициативу. Надо установить в спешном порядке должное соотношение сил на море.

В 1921 году мы снова жили в напряженной атмосфере „вооруженного мира". Милитаризм торжествует *после* войны, как никогда. И этот милитаризм имеет две хорошие стороны, долженствующие послужить ко спасению капиталистического строя.

Прежде всего, самый *факт* милитаризма приносит пользу, *создавая рынок* во время кризиса. Будет любопытно взглянуть на вооруженные силы мира до и после спасительной войны.

Стояло под ружьем человек:

	К 1 янв. 1914 г.		К 15 янв. 1921 г.
Страны-победительницы:			
Британская империя	249.000		470.000
Франция	883.560		1.074.500
Италия	250.000		300.000
Соед. Штаты Америки	200.000		362.000
Бельгия	61.000		130.000
Югославия	51.000	(Сербия).	200.000
Япония	250.000		320.000
Страны нейтральные:			
Швеция	80.000		865.000
Дания	13.000		110.000
Швейцария	25.000		140.000
Китай	770.000		1.000.000
Страны побежденные:			
Германия	760.100		200.000
Австро-Венгрия	477.800	(Венгрия)	130.000
Турция	300.000		200.000
Болгария	85.000		20.000

Но еще важнее тут военный флот. Америка спешила установить надлежащее „равновесие". Что значат прежние судостроительные программы великих держав перед лицом послевоенной американской! В 1921 г. у Соединенных Штатов имелось 17 линейных кораблей; через три года, в 1924 г.,

она будет иметь их 33. И что это за корабли! Это не какие-нибудь жалкие древние сверх-дредноуты. Вместо 467 тыс. тонн 1921 г., Америка в 1924-м будет иметь 1.118 тыс. тонн; т.-е. ныне имеется по 28 тыс. тонн на броненосец, а будет по 34 тыс. тонн.

Будет ли или еще нет война с Англией, но во всяком случае эти вооружения касаются ближайшим образом непосредственного врага Соед. Штатов—Японии. Конечно, Япония должна защищаться! У нее в 1921 г. было 11 линейных кораблей, к 1924 г. она строит 17; было 319 тыс. тонн, будет—543 тыс... Это хорошо действует на конъюнктуру. Когда Англия, в то же приблизительно время, заказала одной своей фирме новые военные корабли, то в Шеффильде по этому случаю был устроен „завтрак", где представитель фирмы „указал, что в связи с установленной правительством военной судостроительной программой, приличествующей такому великому морскому и колониальному государству, как Великобритания, и со сдачей заказов английским фирмам,—в Шеффильде не будет безработных среди желающих трудиться рабочих"... („Export World", окт. 1921). Великий „Times" также меланхолически отметил, „что эти заказы, благоприятно отразятся на безработице"... О, да — это *одна* из прекрасных сторон милитаризма: он поддерживает среди бедствий „национальные" капитализмы самым фактом своего существования [1]).

Другая положительная сторона его состоит в том, что милитаризм в виде своей функции—*войны*, является средством разрешения мировых проблем. *Новая война* в 1921 г. была снова поставлена на очередь.

Наступающая Америка бешеным темпом выполняет гигантскую военно-строительную программу. Япония спешит за ней, но тягаться с Америкой ей не под силу. Однако, у нее есть союзник и покровитель — дряхлеющая владычица морей... Наступающей Америке необходимо соблюсти на море старую английскую „двухдержавную систему" (Tvo-Power-Standart), т.-е. иметь флот, равный сумме английского и японского. Америка спешит, но не поспевает.

---

[1]) Впрочем, эти заказы потом были взяты назад.

Тогда она, одушевляемая гуманными соображениями и идеалистическими порывами, созывает в Вашингтоне конференцию мировых держав и предлагает им сократить свои вооружения. Но друзья и союзники сами не менее гуманны и идеалистичны: их не проведешь. Вопрос о разоружении на вашингтонской конференции быстро исчез без остатка в тумане дипломатических любезностей.

Тогда Америка на той же вашингтонской конференции пыталась перенести центр тяжести в другое: оторвать своего главного врага от второстепенного. Это, на словах, удалось: англо-японский союз формально был расторгнут. Англия не удержалась на своих сравнительно слабых позициях (ей пришлось уступить тогда еще в верхнесилезском вопросе). Но едва ли для Америки это уже так утешительно: не была ли Италия старым членом тройственного союза (союза Германии, Австро-Венгрии и Италии) и не дралась ли она против Германии?

Тогда Америка пошла дальше. Нельзя ли пока-что заключить сделку со своим главным врагом? Не предложить ли родственной нации, перед лицом желтой опасности, совместно обратить оружие на восток? Это может быть не безвыгодно и не опасно для обеих высоких сторон. А для равновесия следует и Францию, которая путается в ногах со своими жалкими 36 милл. населения, поставить на подобающее ей место. Это также может быть не безвыгодно и не столь опасно.

Представитель Франции, бросив, наконец, дипломатию, с откровенными проклятиями, уехал домой. Япония сосредоточенно молчала. Два главных врага выжидали: пошлет ли судьба гнилой мир раньше доброй ссоры? Но вооружаться не переставали.

Мы знаем, однако, результаты всемирной бойни 1914—1918 гг. Мы знаем, почему она не выполнила своего назначения и *не могла* спасти капитализм. С последующими войнами будет хуже. Америка задавит Англию и будет владыкой среди трупов. Истребив всех соперников, она уничтожит своих покупателей, свой жизненный источник, свою питательную среду... Пусть стихийные процессы неумолимо ведут к новой войне; война сулит только гибель, а не благоденствие.

Это одна сторона дела. А есть и другая: разве не величайшая *утопия*, не теоретический абсурд—монопольное господство над миром какого-либо одного из современных „национальных" государств? Три мировых гиганта ныне обескровили и держат в оковах четвертого. Это очень не легко и крайне дорого стоит; но это возможно. Другое дело — посмотреть, как ухитрится единый владыка мира (или пусть даже двое!) держать в подчинении всех остальных...

Мы, в частности, видели, что получилось, когда Америка попыталась нащупать почву для своей диктатуры. Англия волей-неволей тут же метнулась в сторону раздавленной Германии и стала заигрывать с ней: германская марка в конце 1921 г. снова поскакала кверху. Дальнейший напор Америки неизбежно заставил бы Англию всерьез протянуть руку немецким 77 миллионам душ.

Но и независимо от ориентации бывшей владычицы морей— может ли не воспрянуть Германия при малейшем реальном проявлении англо-американского конфликта? Может ли ее капитализм, при малейшем изменении конъюнктуры, не броситься с оружием в руках отвоевывать свое место под солнцем?

Но разве это может вынести вековечный враг Англии, свирепый враг Германии, — прекрасная Франция? Германия должна быть под пятой. Германия должна платить! Германию придется *усмирять* при малейших попытках расправить члены.

Неразбериха, кровавый хаос, средневековый разгул крови и железа, которым не может быть конца. Таково мирное и „нормальное" житие мирового капитализма в послевоенную эпоху.

* * *

Немудрено, что смятенная мысль нынешних вершителей мировых судеб судорожно бросается в противоположную сторону... В новых войнах нет выхода, не надо войн! Вавилонское столпотворение 1914—1918 гг. принесло только вред, а не пользу. Надо *аннулировать результат войны, восстановить прежние отношения*, отказаться от всех плодов победы. Вот где спасение существующего строя!

Это было, пожалуй, любопытным измышлением политики мирового капитала на почве кризиса 1920—1921 гг. Оно

ложно в корне, в принципе. Ибо *прежние отношения были невыносимы* для мирового капитализма. Это доказано тем, что капитал в 1914 г. пошел на последнюю крайность для того, чтобы изменить их. Утверждать, что спасение—в довоенном статусе, значит доказать безвыходность положения. Но что же делать!

Проекты отказа от победы шли различными путями. Но все пути, во-первых, не вели к цели, а, во-вторых, были непроходимы... Прежде всего, надо помочь побежденным и разоренным, облегчив тяжкое бремя их военных долгов. Речь шла в первую голову о союзных займах. Пусть Англия аннулирует свои долги оскудевшим Франции и Италии, а за это Америка пусть простит долги Европе. Но все это, конечно, не ради Франции, Италии и всякой мелкоты. Это для того, чтобы потрепанная Франция сложила соответствующую долю контрибуции с Германии. Надо восстановить главного всеобщего контрагента, выбитого из строя.

Проект крайне разумный, лучше трудно было и сочинить. Но гладко только на бумаге. Ученые рационалисты вдались в утопию. В своих заботах о судьбах мира они не посчитались с тем, что этот капиталистический мир делится на части, которые сепаратно мыслят, ведут взаимную борьбу и имеют свои особые „интересы“... От изложенного проекта — ни экономически, ни политически — ничего не теряла Англия. Она тут явно выиграла бы, — не только потому, что восстановится германский рынок, но больше всего потому, что долги, „прощаемые“ ею, явно безнадежны. И не мудрено, что в Англии в те времена обнаруживалось „глубокое понимание“ рациональности этого проекта с точки зрения „судеб человечества“ [1]).

Но мог ли проект встретить надлежащее сочувствие в Америке? С какой стати она должна была простить долги? Почему

[1]) Бывший министр Мак-Кена в высшей степени гуманно и убедительно требовал в одной речи восстановления Германии. Он говорил, что уплата германской контрибуции будет *несчастьем* для союзников, что Англия неизбежно будет иметь 2 милл. безработных, пока Германия будет платить, и что английские требования во всяком случае необходимо аннулировать... Увы! политические рационалисты всегда были людьми очень почтенными, но не в политике.

она должна предоставить другим свои кровные сбережения? Ведь от облегчения бремени Германии Америка выиграет меньше, чем Англия и Франция. И как же можно ради этого отказаться от кредиторской власти над Европой?

В этом роде рассуждала и капиталистическая Франция. Львиная доля германской контрибуции приходится на ее долю. Подъем Германии из нищеты, конечно, полезен и для Франции, но больше для Англии. А контрибуция—это, во-первых, дело верное, а во-вторых — это для себя, не для других. Лучше заплатить Англии проценты, с лихвой возместив их контрибуцией. Пусть Германия платит! Если обанкротилось немецкое государство, пусть платят банки, капиталисты, весь народ. Поскольку отдельные части единого мирового хозяйства способны были *рассуждать,* они могли рассуждать *только так...* Утопический проект аннулирования долгов, конечно, провалился. Америка формально отклонила его.

Но простить долги и облегчить германские платежи—этого было недостаточно. Тучная половина мира, страдающая от недостатка сбыта, должна оказать кредит тощей половине, страдающей от малокровия и недопроизводства. Необходимо поднять валюту оскудевших. Иначе они не могут покупать. Лучше всего этот кредит может быть оказан в виде перераспределения товаров из богатых в обнищавшие страны... Конкретные проекты в конце 1921 г. росли и множились, как грибы после дождя. Собирались „валютные" конференции, национальные и международные. Проекты были крайне разумны и сулили благо человеческому роду. Но—они страдали теми же недостатками, что и „прощение долгов". Они представляли собой своего рода пацифизм, перенесенный в экономику. Та же ученость, та же благожелательность, та же обывательщина.

Нет, кредитующим странам в капиталическом строе нужны были, во-первых, проценты, а во-вторых—гарантии. Но положение разоренных стран как раз и не может быть гарантией того, что они смогут заплатить проценты... Противоречия капитализма выплывали снова: экономически поднять собственного контрагента, сделать его солидным и кредитоспособным, это благая и необходимая цель; но никакими бичами и скорпионами нельзя заставить ростовщика оказать кредит

несолидному, некредитоспособному клиенту. Проекты международной кредитной помощи шли по той же линии, как и „прощение долгов“. Но они шли дальше и потому еще более утопичны. После краха более скромного проекта, казалось бы, не стоило тратить времени на эти пустые разговоры. Однако, что же делать? Положение было таково, что проекты и рецепты не только не иссякали, но все множились, расширялись, углублялись.

В начале 1922 года проекты „кредитной операции“ расширены и видоизменены в общий „план восстановления Европы“. И для его разработки была созвана знаменитая конференция в Генуе — счетом тринадцатая после Версальского мира.

* * *

Эта конференция в некоторых отношениях резко отличалась от предыдущих. Тут собралась не только „Лига Наций“, но была приглашена и Германия, враг человеческого рода, извергнутый из концерта цивилизованных держав. Мало того, в Геную были допущены странные существа из потустороннего мира: российские большевики, которые перевернули не только все основы „нормального“ человеческого общежития в России, но и все „здравые“ понятия культурных людей — о порядке, о государственности, о справедливости, нравственности и добре. Казалось бы, с немцами разговаривать нет никакой нужды, а объясниться с русскими нет возможности. Однако, пригласили в высокое общество тех и других, чтобы договориться о совместной работе по восстановлению Европы. По-истине, плохи были дела и не брезгливы стали владыки мира к началу 1922 года.

Кто из современников не помнит этой грандиозной конференции, этого пышного всемирного турнира, где встретились побежденные и победители, Европа и Азия, капитал и труд, воплощение прошлого и будущего истории. Побежденные немцы оказались ловки и склонны к эмансипации: под шум речей, под гвалт газет всего мира немцы, при всей своей благонамеренности, не взирая на трагическую раздвоенность своих классовых и национальных интересов, заключили с большевиками „раппальский договор“, явно угрожавший

культуре и свободе народов. Большевики же не даром были „признаны" Германией: они оказались не только существами человеческого обличья, но и изумили высокое общество и весь цивилизованный мир, заткнув за пояс лучших представителей его по части высокой дипломатии. С волками жить по-волчьи выть; и если волки в белых перчатках, то для нас это не представляет затруднений. Французские ростовщики насмешили весь свет своей свирепой, но беззубой и беспомощной старческой злобой. Спокойный, уравновешенный, опытный и высокоталантливый диктатор Соединенного Королевства пытался сохранить иронию и хорошую мину при сомнительной игре. Это было великолепное зрелище!

Но не для зрелища собрались в Генуе, а для спасения Европы. И в этом отношении дело обстояло несколько хуже. Из долгого, долгого парламента, из бесчисленных комиссий, из пустопорожнего звона блестящих речей, из неустанных трудов сотен лучших умов Европы (и Азии), ровно ничего не вышло... Надо надеяться, что после сказанного этот „вывод" ни объяснять, ни комментировать нет надобности. Конференция была не в состоянии выйти из того рокового круга идей, который был уже описан выше. По поводу привлечения России, положение дел не плохо• резюмировал Асквит в своей полемике против Ллойд-Джорджа. Он сказал: Ллойд-Джордж сначала истратил 100 милл. фунтов на разорение России, а теперь он хочет дать 20 милл. фунтов на ее восстановление... Да это было бы недостаточно. Главное же разорить — это было доступно капиталу Антанты, — по его природе. Ссудить же на восстановление — это против его природы. В эпоху Генуи эта была утопия, а последующая эпоха это доказала.

Что касается Германии, то проект ее восстановления ради восстановления Европы находил себе все более правильную оценку по мере углубления в проблему и по мере конкретизации задач генуэзской конференции: „обогатить Германию за счет ее соседей является одной из самых нелепых идей, — писал тогда один из влиятельнейших публицистов Франции в „Journal des Débats". — Эта идея может привести только к той экономической гегемонии Германии, во имя которой Вильгельм начал войну. Никто больше нас (французской бур-

жуазии) не желает дать немцам возможности уплатить свои долги. Но это не значит, чтобы мы хотели помогать Германии наводнить весь мир своими товарами"... Задача в том, как же это сделать? Как восстановить Европу, не трогая буквы Версальского договора? Как вырезать из тела фунт мяса, не пролив ни капли крови? Задача, ровно настолько же неразрешимая для Шейлока, насколько неразрешима была задача генуэзской конференции. И все грандиозное предприятие, весь пышный турнир, добрых два месяца занимавший все грамотное население планеты, пошел на потребу лишь соединенным репортерам всех стран [1]).

Итак, никто не применил и не измыслил никаких действительных мер спасения капиталистической Европы. И казалось, что наступает ее последний час. Казалось, вино налито, и неизбежно его выпить. Казалось, зрелый, даже перезрелый плод неизбежно должен был быть сорван объединенными пролетариями всех стран... Но этого не случилось—по причинам, о которых здесь не место распространяться. Во всяком случае—*сознание* могильщика капитализма отстало от *бытия* капитализма. Он не был ликвидирован в этот критический момент пролетарской революцией. Оказалось, что еще не пробил час, и капитализм мировых держав, волей - неволей, должен был продолжать свое существование.

---

[1]) Какие неожиданные пируеты совершала в это время мысль экономистов, можно видеть еще из такого примера. Нельзя поднять валюту бедных стран, так как нельзя *испортить валюту богатых*, чтобы облегчить им вывоз и вернуть им рынки. От хорошей жизни этого по-истине не придумаешь. Дальше идти как будто уж было некуда. В Англии, в Швейцарии и в Америке возникли проекты наводнения своих рынков бумажными деньгами. От этого бесспорного и очень важного худа должно было последовать добро. До таких геркулесовых столпов путаницы и неразберихи в экономической политике дошли хозяева Европы в период небывалого кризиса.

V. Час прилива.

Если не берет предопределенная судьбою смерть, если суждено еще жить, то приходится перестать умирать. В этом довольно понятная и элементарная логика. Капитализм также имеет эту логику. Если народное хозяйство, по причинам социального характера, не перестраивается на иных основаниях, то ему приходится существовать в капиталистических формах: ибо народы не могут погибнуть, они должны производить и потреблять.

И мировой капитализм снова стал проявлять признаки подъема. Истощение кризисом, недопроизводство 1921 года было так сильно, а минимум народного потребления так непреложен, что уже к концу того же 1921 года появились признаки перелома. Оказалось, что народы не могут существовать с таким объемом мирового хозяйства, с тем уровнем продукции, какой был характерен для *начала империалистской эпохи* — несколько десятилетий назад.

Началось, конечно, с текстильной индустрии и, конечно, с Соед. Штатов. Во-первых, как мы знаем, кризис постиг *первой* текстильную индустрию (с самого начала 1920 года) и в первую голову истощил текстильный рынок; во-вторых, здесь дело идет о предметах первой необходимости, которые имеют некий твердый минимум потребления и непосредственно соприкасаются с экономикой народных масс: кризис и подъем в тяжелой индустрии имеет, так сказать, производный характер. Что же касается страны, с которой должен был начаться подъем, то, конечно, ею должны были явиться американские штаты с их огромным внутренним рынком и с их минимальной заинтересованностью в экспорте.

Их текстильная промышленность, вместе с повышением цен, начала оправляться после огромного падения уже с половины 1921 года. В самом конце его было уже отмечено общее повышение индекса цен и едва заметная тенденция к повороту

в тяжелой индустрии. Но в то же время экспорт Соед. Штатов достиг невиданно ничтожных размеров. То-есть мировой рынок пока еще не подавал признаков оживления, и поворот к лучшему в Соед. Штатах происходил исключительно на основе их колоссального внутреннего рынка — в частности аграрного.

Мы должны подробнее познакомиться с развитием народного хозяйства Соед. Штатов в этот новый период мировой конъюнктуры. Для последнего года мы приведем помесячные данные, которые будут характеризовать *современное* состояние народного хозяйства. Так же мы поступим в дальнейшем и с главными европейскими странами. Вот важнейшие показатели народно-хозяйственный конъюнктуры в заатлантической республике за последние два года.

	Индекс цен.	Произведено в средн. в мес. милл. метр. тонн.			Индексы ввоза и вывоза по ценам 1913 г.	
		Угля.	Чугуна.	Стали.	Вывоз.	Ввоз.
Сред. за . . 1913 г.	100,0	43,1	2,6	2,6	100,0	100,0
„ „ . . 1921 „	122,3	38,3	1,4	1,6	108,9	135,6
„ „ . . 1922 „	133,7	34,8	2,3	2,8	101,1	189,1
Октябрь . . 1922 „	144,9	48,7	2,7	3,5	119,8	172,4
Ноябрь . . „ „	149,6	48,7	2,9	3,5	112,4	204,1
Декабрь . . „ „	148,7	49,8	3,1	3,4	96 5	224,0
Январь . . 1923 „	149,0	53,4	3,3	3,9	95,8	242,3
Февраль . . „ „	151,2	45,3	3,0	3,5	83,5	209,1
Март . . . „ „	151,2	51,0	3,5	4,1	87,3	262,4
Апрель . . „ „	148,4	45,9	3,6	4,0	83,6	244,1
Май . . . „ „	145,2	49,6	3,9	4,2	81,0	236,4
Июнь . . „ „	142,1	49,3	3,7	3,8	82,3	206,0
Июль . . „ „	139,2	48,5	3,7	3,6	77,9	165,8
Август . . „ „	140,9	52,4	3,5	3,7	89,2	153,0
Сентябрь . „ „	142,2	44,4	3,2	3,3	112,5	128,2
Октябрь . . „ „	142,6	46,6	3,2	3,6	115,5	162,2
Ноябрь . . „ „	145,9	48,5	2,9	3,3	—	—
Декабрь . . „ „	144,1	—	2,9	2,7	—	—

Из таблицы видно, что после падения на самое дно в 1921 году конъюнктура внутреннего рынка стала крепнуть, и это продолжалось в течение всего 1922 года до начала 1923 года. Затем наступили довольно неопределенные колебания. Рекордные цифры, никогда невиданные, превысившие и военный уровень и послевоенный расцвет, относятся *к весне* 1923 года.

Правда, это не относится к углю: его было больше добыто в 1919 году; но сейчас больше добывается нефти; да и угля за любой из 15 последних месяцев добыва-

лось значительно больше, чем до войны. Производство же чугуна, а особенно стали, весной достигло гигантских размеров. Затем, как будто бы обозначилась новая тенденция к понижению. Из всего количества доменных печей Соед. Штатов (417) в апреле 1923 года работало 310, в июне 322, в ноябре и декабре уже только 231 и 232. О том же говорит и количество невыполненных заказов стального треста: в марте оно исчислялось в 7.403 тыс. тонн, в июле — 5.911, в октябре — 4.673, в декабре — 4.445. Что касается текстильной промышленности Соед. Штатов, то она поднималась уже в течение всего 1921 года; потом до середины 1922 года падала, затем до весны 1923 г. снова шла кверху, с весны же снова застопорилась и стала несколько деградировать. В марте было потреблено 623 тыс. кип хлопка и действовало 35,5 тыс. веретен; в ноябре—531 тыс. кип хлопка и 34,1 тыс. веретен. В общем благополучие здесь длится уже два года. Высшие его точки, видимо, пройдены весной: но стоит ли Америка уже перед новым кризисом, этого сказать пока нельзя.

Интересно вникнуть в современное положение американской внешней торговли, которой Соед. Штаты соприкасаются непосредственно с мировым хозяйством. Мы знаем, как высоко вздулся американский экспорт в нездоровой атмосфере войны и послевоенной восстановительной горячки. Даже в 1921 году, в среднем (не считая последних месяцев), он еще не опустился до предвоенного уровня. Но затем он стал падать все больше и больше. К лету 1923 года, при колоссально возросшей индустрии, вывоз в натуре достиг минимальных цифр с начала века. Только в осенние месяцы, как 1922-го, так и 1923-го года, в связи с реализацией урожая, вывоз возрастал снова за пределы 1921-го года. Несколько иначе обстоит дело с импортом. Он достиг огромных размеров именно весной, в момент наивысшего подъема индустрии, хотя и не дошел до уровня некоторых послевоенных месяцев. Во всяком случае, если бы Соед. Штаты продавали и покупали по довоенным ценам, то за целый ряд последних месяцев они имели бы пассивный торговый баланс. Но даже и по фактическим ценам (примерно в полтора раза выше довоенных)— американская республика удивила мир в марте 1923 года пассивным торговым сальдо. В другие же месяцы последних

двух лет (кроме осенних) она едва покрывала своим экспортом заграничные покупки. Впрочем, это не значит, что импорт был так велик. После весенних рекордных цифр он стал резко падать и к концу 1923 года немногим отличался от 1921-го.

Против импорта демократическое правительство Соед. Штатов, как известно, принимает особые драконовские меры; но с ним дело обстоит все же гораздо лучше, чем экспортом, который, конечно, энергично поощряется. Если мы примем во внимание, что Соед. Штаты являются для Европы обязательными и почти монопольными поставщиками некоторых видов сырья (хлопка, нефти), то торговые успехи республики нельзя признать блестящими. Это находится в связи с сомнительным положением дел на мировом рынке, т.-е. в Европе. С другой же стороны, это не свидетельствует о прочности промышленного подъема Соед. Штатов, ибо он не может базироваться продолжительное время на одном собственном внутреннем рынке.

* * *

Перейдем теперь снова в Европу. Мы знаем, что для оценки мировой конъюнктуры особенно важна Англия. Приведем и здесь важнейшие показатели конъюнктуры за последний период:

	Индексы цен.	Добыто угля (милл. тонн).	(В средн. за мес.): чугуна (тыс. тонн).	стали (тыс. тонн).	Видимое снабжен. хлопком (кип).	% безработных.
1913 г.	100	24,3	869	649	—	2,1
1921 „	182	13,8	222	314	1234	15,3
1922 „	154	21,2	415	404	1064	15,4
Октябрь 1922 г.	153	21,5	489	574	865	14,0
Ноябрь „	154	27,2	502	610	1056	14,2
Декабрь „	152	20,6	542	555	1138	14,0
Январь 1923 г.	153	21,6	577	644	1123	13,7
Февраль „	155	22,6	552	718	1104	13,1
Март „	156	28,0	644	815	1024	12,3
Апрель „	158	21,6	663	761	871	11,3
Май „	155	20,8	726	834	762	11,1
Июнь „	150	28,5	704	780	602	11,1
Июль „	149	20,4	666	634	535	11,4
Август „	147	24,8	609	592	451	11,3
Сентябрь „	150	22,0	568	706	538	10,9
Октябрь „	150	22,9	602	713	618	10,5
Ноябрь „	156	22,8	607	763	—	9,7
Декабрь „	157	—	—	—	—	—

В Англии, с 1921 года, мы также можем констатировать значительный подъем. После огромного истощения британское народное хозяйство, в силу внутренней своей логики, должно было качнуться в сторону подъема. Но этот прилив здесь выглядел иначе, чем за океаном. Прежде всего, мы не видим в Англии роста цен. Затем, подъем продукции далеко не так бурен и последователен, как в Соед. Штатах. В сравнении с катастрофическим 1921 г. мы, правда, видим очень значительное улучшение. Но оно нигде не достигает средней довоенной, кроме производства стали. Впрочем, 1923 год был благоприятнее 1922 г. и никакой тенденции к новому понижению здесь констатировать пока нельзя. Однако, это относится только к *тяжелой* индустрии. Для Англии несравненно важнее *текстильная* промышленность. Экономика Англии держится мировым рынком, держится экспортом, а в английском экспорте текстильные товары представляют собой то же самое, что в русском—хлеб. Они, напр., в 1922 году составляли 44% всего британского вывоза, тогда как уголь, железо и сталь, вместе взятые, только 20%. Из таблицы же мы видим, что текстильная промышленность после 1921 года не только не оправилась, но еще пошла на убыль: снабжение хлопком, в частности, к концу 1923 года было *вдвое меньше*, чем в среднем за 1921 год. Это знаменует собой общий, далеко не изжитый кризис британского народного хозяйства. Именно об этом свидетельствуют подводящие всему итог цифры о *безработице*. С 1921 года она сократилась вполтора раза; это результат подъема тяжелой индустрии; но она впятеро больше, чем была перед войной; таких размеров, как теперь, она никогда не достигала даже в периоды кризисов империалисткой эпохи. Кризис в Англии, несомненно, смягчился, но далеко не изжит до сих пор.

Приведем еще характерные сведения о количестве и о назначении вложенных капиталов (милл. фун. стерл.):

	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Соед. Королевство:				
Государство	—	202,9	369,6	77,5
Прочие	36,0	73,3	73,9	56,4
Всего	36,0	276,2	443,5	133,9

	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Британские владения:				
Государство	26,3	76,7	58,6	69,4
Прочие	49,8	16,9	16,3	23,3
Всего в Брит. вл.	76,1	93,6	74,9	92,7
Другие страны:				
Государство	26,2	5,9	14,3	26,4
Прочие	58,3	16,3	40,9	18,3
Всего в др. стр. .	84,5	22,2	55,2	44,7
Общий итог	196,6	389,0	573,6	271,3

После войны потребление капиталов, как видим, чрезвычайно расширилось, но по преимуществу за счет государства,— как в метрополии, так и в колониальных владениях. Но в 1923 году наступило резкое сокращение эмиссии — по крайней мере для самого Соед. Королевства и для заграницы. Это не признак „оживления". Другое дело — колонии, которые расширяют потребление капитала; но это подрубает сук, на котором теперь (после разгрома Германии) покоится британская промышленность.

Посмотрим теперь на внешнюю торговлю. Помесячные ее колебания за каждый из последних двух лет совершенно неопределенны, и помесячные цифры в данном случае ровно ничего не прибавили бы к годовым итогам. Общие же годовые итоги таковы, в милл. фун. стерл., по ценам каждого года:

	Импорт (чистый):	Экспорт:	Превышение импорта:
1913 г.	659,2	525,2	133,9
1921 г.	978,6	703,4	275,1
1922 г.	900,1	720,5 [1])	179,6
1923 г.	979,4	767,3	212,1

По ценам каждого года, экспорт с 1921 года заметно возрастал; но *пассивность баланса* за последний год снова *увеличилась*.—Присмотримся, однако, ближе к британской

[1]) Эти цифры, взятые из The Statist. January 12, 1924, стр. 44, несколько не совпадают с аналогичными цифрами соседней таблицы. Мы оставляем эту ничтожную погрешность согласно источнику.

торговле за последний период; взглянем на составные ее части за последние три года.

	Импорт (валовой) в милл. фун. стерл.:			Экспорт в милл. фун. стерл.:		
	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Пищевые продукты .	567,0	471,8	510,5	37,4	36,3	37,5
Сырые материалы .	270,8	298,3	324,9	63,6	102,0	130,8
Изделия	244,5	229,7	257,1	588,9	568,5	580,0
Разные	3,2	3,1	5,4	13,5	12,7	12,1
Итого	1085,5	1003,9	1098,0	703,4	719,5 [1])	767,3

Ввоз в Англию пищевых продуктов не особенно характерен и интересен для нас: он представляет собой более или менее твердую величину. Гораздо интереснее, что с 1921 года последовательно и существенно вырос ввоз сырых материалов. Из них около 40% составляют хлопок и шерсть, т.-е. текстильное сырье. Несколько вырос за последние два года и импорт готовых изделий.—Напротив, экспорт их за это время не прогрессировал. И весь отмеченный рост британского экспорта относится за счет заграничных продаж сырого материала. Какого? Конечно, каменного угля. До войны, в 1913 г., Англия отпустила его на 99,6 милл. фун. стерл.; в 1921 г.— экспорт угля пал до 42,9 милл. фун. стерл. из общей суммы экспортируемого сырья в 63,5 милл.; в 1922 г. он поднялся до 72,5 милл. из 102,0 милл.; в 1923 г. было вывезено ровно столько же, сколько 10 лет назад—99,8 милл. ф.—из 130,1 милл. фун. ст., т.-е. почти 77% всего вывезенного сырья. Мы видим, что весь британский экспорт сырых материалов зиждется именно на каменном угле, который составляет все большую долю этой экспортной категории.

Однако, прогрессирующий экспорт сырья все же играет незначительную роль сравнительно со стабилизированным экспортом *фабрикатов*. Среди этой категории, как было упомянуто, невелика доля тяжелой металлургической и огромна доля легкой текстильной индустрии. Но здесь дело обстоит совсем неблестяще. Хлопчатобумажных изделий в 1921 г. было вывезено на 178 милл. ф. ст., а в 1923 г. — на 177 милл.; вывоз шерстяных изделий повысился с 55 до 62 милл.; вывоз

[1]) См. подстрочное примечание на предыд. стр.

железных и стальных изделий (кроме машин) также повысился с 63 до 76 милл.; но экспорт машин сократился с 74 до 44 милл.; судов и трансп. средств с 58 до 27 милл., электрических приборов — с 13 до 10 милл.

Мы можем сильно уточнить картину британского экспорта, если приведем еще данные о количестве вывезенных товаров в натуре: ибо колебания цен в настоящее время не позволяют судить о сравнительных размерах торговли на основании ее ценностного выражения. Сравнительный экспорт важнейших товаров в натуре за последние годы был таков:

	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Уголь (милл. тонн)	73,4	24,6	64,2	79,4
Железо и стальн. изделия (м. т.) . .	4,9	1,7	3,4	4,4
Хлопчатобумажн. пряжа (милл. фун.)	210,0	145,9	201,9	145.0
Хлопчатобумажн. ткани (милл. кв. ярд.).	7.075,0	2.902,3	4.183,7	4.141,3
Шерстяные ткани (милл. кв. ярдов) .	105,8	76,6	121,6	148,6
Льняные изделия (милл. кв. ярдов) .	193,7	40,0	77,4	89,7

Из этих основных статей британского экспорта, в последний период подъема, перешагнули довоенную „норму“ лишь уголь и шерстяные ткани. Остальные—ниже „нормы“, иногда очень значительно; особенно печально дело обстоит с хлопчатобумажными изделиями, имеющими наибольшее значение; ибо здесь 1923-й год был хуже предыдущего, и довоенное благополучие, от которого спасались в огне войны, как будто является уже недостижимым.

Что касается экспорта английского угля, так радующего глаз оптимистов, то он имеет особые причины, о которых речь будет дальше. Но неблагополучие и новую понижательную тенденцию в *основной* отрасли британской промышленности, в хлопчатобумажной индустрии, — надо отметить и подчеркнуть, как очень дурной показатель для будущей конъюнктуры Англии.

Мы знаем, далее, как склонялся после войны английский фунт стерлингов перед американской незыблемой валютой. Затем фунт стерлингов оправился и чувствовал себя не так плохо до последнего года. Но с весны началось новое резкое падение его, которое в конце 1923 г. снова приняло угрожающие размеры. При паритете в 4,86 долл. за фунт, в начале марта фунт стоил в Нью-Йорке 4,70 долл., в сентябре — 4,54, в январе 1924 года — 4,28 долл. В самое последнее время,

в эпоху „мирной революции в Англии“, в период возникновения „рабочего“ правительства Макдональда, дело, видимо, не обошлось без участия „внеэкономических факторов“. Но все же падение фунта началось раньше и происходило на экономическом базисе.

* * *

Перейдем теперь к главной победительнице, к Франции. Условия развития народного хозяйства здесь своеобразны не только потому, что они искажены выпадением Германии из мирового оборота. Условия здесь, как мы знаем, „ненормальны“ еще тем, что французское народное хозяйство живет сейчас за счет германского, как паразит живет за счет организма, к которому он присосался. Кроме того, во Франции, не в пример „англо-саксонскому миру“, совершенно расстроено *государственное* хозяйство. Франция наиболее задолженная страна не только среди победителей, но и среди всех стран мира. Дефицитность французского бюджета превышает все нормы, когда-либо виданные и допустимые в благоустроенном государстве, включая, конечно, и современную Россию, не исключая Германию, как явно неблагоустроенную. В начале войны долги французского государства исчислялись приблизительно в 30 миллиардов франков. Это было золотое время и сказочное благополучие. За 5 лет войны огромные расходы повысили французский государственный долг на 171 миллиард франков. Но гораздо тяжелее была эпоха Версальского мира: она увеличила долг еще на 213 миллиардов. По последним вычислениям известного Ш. Жида, французский государственный долг теперь перевалил за 400 миллиардов франков; а к 1930 году, к окончанию работ по „восстановлению“, долг достигнет 500 миллиардов франков.

Какой актив может быть противопоставлен этому чудовищному пассиву? Лондонская конференция исчислила сумму „репараций“ в 68 миллиардов золотых марок. Эта фантастическая цифра—во-первых, рассроченная на ряд лет, во-вторых, частью уже выплаченная, в третьих, частью безнадежная—составляет незначительную долю французской задолженности. Согласно государственному бюджету, проценты по долгам составляют неслыханные до войны цифры в 13,2 миллиардов

франков. Ш. Жид исчисляет, что в течение ближайших лет эта сумма должна увеличиться до 20—25 миллиардов. До войны весь национальный доход Франции составлял 35 миллиардов золотых франков. Если принять во внимание обесценение франка, то проценты по долгам составят 18—20% (пятую часть!) всего национального дохода, тогда как до войны они составляли всего 3,5%. Это считается еще не точным и очень оптимистическим подсчетом,—хотя ясно, что мы имеем здесь дело с полнейшим расстройством государственного хозяйства.

И, однако, во Франции за последние два года мы наблюдаем картину несомненного промышленного подъема. Приведем и тут основные признаки конъюнктуры:

		Произведено (метр. тонн тыс.).			Импорт.			Экспорт
	Индекс цен.	Добыто угля (милл. пуд.).	Чугуна.	Стали.	Всего милл. метр. тонн.	Уголь милл. метр. тонн.	Хлопок сырой. Тысяч метр. тонн.	Всего милл. метр. тонн.
Среднее за месяц 1913 г.	100,0	3,4	434	396	3,7	1,6	27,4	1,8
„ „ 1921 „	344,9	3,2	280	255	3,2	1,5	16,6	1,3
„ „ 1922 „	326,7	3,6	427	373	4,3	1,8	21,9	1,9
Октябрь „ „	331,3	3,8	503	430	4,5	1,8	27,9	2,5
Ноябрь „ „	331,3	3,7	514	410	4,6	1,9	20,4	2,0
Декабрь „ „	325,7	3,8	513	415	4,9	2,2	36,5	2,4
Январь 1923 „	386,9	4,2	486	408	4,1	1,9	33,3	1,9
Февраль „ „	421,8	2,6	306	290	3,8	1,7	18,4	2,5
Март „ „	424,0	3,1	316	316	4,1	2,0	19,9	1,8
Апрель „ „	414,7	3,1	350	355	4,2	1,9	17,3	1,5
Май „ „	400,6	3,5	393	388	4,5	2,2	17,1	1,9
Июнь „ „	408,6	4,3	447	427	4,9	2,6	12,5	1,8
Июль „ „	406,7	4,3	436	400	4,7	2,5	14,3	1,9
Август „ „	413,1	4,5	486	452	4,8	2,2	12,5	1,6
Сентябрь „ „	423,6	4,4	482	446	5,0	2,9	11,1	2,7
Октябрь „ „	420,4	4,8	514	477	4,4	2,3	32,4	2,2
Ноябрь „ „	446,0	3,5	536	493	4,7	—	—	2,3

Оптовые цены во Франции, как известно, вздулись к 1920 году впятеро против довоенных; затем они падали до весны 1922 года, потом снова стали сильно расти, хотя далеко не достигли послевоенного уровня. Но франк, в течение 1923 года падал больше, чем расли цены; по отношению к доллару он составлял в январе 38,3% паритета,

а в декабре только 28,0%. При таких условиях цены — не надежный показатель конъюнктуры. Другие показатели достовернее, и они свидетельствуют об успехах французской промышленности. Правда, довоенные нормы тут, пожалуй, не при чем, — ценою каких-нибудь двух миллионов человеческих жизней французские капиталисты приобрели (с присоединением Эльзас-Лотарингии) целых 66 доменных печей, тогда как в 1913 году во Франции действовало 216 печей; тем же путем прекрасная Франция приобрела 52 крупных металлургических предприятия, тогда как до войны она сама имела их всего 68. Но и оставляя в стороне довоенный уровень, с 1921 года мы можем констатировать успехи французской индустрии. Не надо только их преувеличивать и надо их правильно истолковать.

Что касается самого факта прогресса французской промышленности после войны, то он был, так сказать, неизбежен и лежал в природе вещей: ибо французская промышленность, в большей и лучшей своей части, была, как мы знаем, разрушена и восстанавливалась в эпоху Версальского мира. Что же касается итогов к началу 1924 года, то они совсем не так значительны. Довоенная „норма" в тяжелой индустрии превышена совсем не много; а между тем Франции в этом отношении естественно было работать за две страны—и за ограбившую и за ограбленную. Вместо 216 довоенных домен, после приобретения новых 66, в 1922 году действовало в среднем ровно на 100 печей меньше; а в 1923 году еще меньше,—всего около сотни.

В 1923 году, в дополнение к собственной продукции, Франция заметно повысила свой экспорт в натуре, главным образом, за счет (бывшего?!) немецкого угля; значение этого обстоятельства уже было нами учтено в движении французской тяжелой промышленности. Но наряду с этим, мы видим, как туго обстоит дело с другой важнейшей отраслью, с хлопчатобумажной: оставляя в стороне несчастный 1921 год, тут потребление хлопка значительно сократилось с 1922 года и была на целую треть меньше, чем до войны. Лучше дело обстоит с шелковой промышленностью, которая за последние месяцы стала оправляться и перешагивать довоенные „нормы"; но все же и здесь дело обстоит *хуже*, чем в предшествующем году.

Что касается экспорта, то в натуре он держится на уровне 1922 года и довоенной „нормы“. В обесцененном франке он выражается за 1923 год, в среднем за месяц, около 2,5 миллиарда. Импорт, в деньгах, всегда несколько больше, кроме мая месяца, когда Франция имела крошечный актив. Основную массу ценностного импорта—около 60%—составляют упомянутые сырые материалы (уголь, хлопок и шелк); такую же долю экспорта, по ценности, составляют французские фабрикаты. Однако, с начала до конца 1923 года ценность экспорта возрасла меньше, чем терял в своей ценности франк.

Таково, в общих чертах, положение французского хозяйства. Принимая во внимание всю совокупность обстоятельств, несмотря на количественный рост индустрии, его нельзя признать ни благополучным, ни „нормальным“. Напротив, сомнительность его базы очевидна.

* * *

Однако, мы уже знаем, что в основе всей современной мировой конъюнктуры лежат условия *Версальского мира*. Неизжитый кризис европейского хозяйства и своеобразные условия его развития связаны с разорением Германии. И особенно тесно переплетены в настоящее время судьбы Германии и Франции. Именно от хозяйственных процессов внутри тощей Германии зависит благополучие, устойчивость или разрушение капиталистического хозяйства ее тучной соседки. Уже по одному этому нам необходимо сейчас внимательнее присмотреться к современной экономике Германии.

Если весь мировой капитализм живет сейчас на базе Версальского мира, то экономическую жизнь Германии этот „мир“ пропитывает насквозь. И здесь, не в пример тому, как мы поступали со странами (бывшей?) Антанты, мы рассмотрим Германию в особом порядке, привлекая характерные для нее признаки.

Прежде всего, по вычислениям знаменитого Брентано, сумма репарационных платежей, выплаченных Германией за 1919—1922 годы, выражается постатейно, наличными и натуральными поставками, в таких цифрах:

В счет репарационных платежей:	В миллионах золотых марок.
Наличными	1.780,0
Уголь и кокс	2 424,4
Побочные продукты перегонки угля	43,0
Красочные вещества и фармацевтические товары	200,0
Скот	274,2
Сельскохозяйственные машины	31,0
Поставки по восстановлению разрушенных областей	290,7
Восстановление университета в Löwen'е	13,8
Морские и речные суда	4.753,4
Железнодорожный материал	1.927,9
Грузовые автомобили	115,7
Военное снаряжение	200,0
Репарационные сборы Англии (26% налога на германский экспорт)	163,2
Оставленное германское имущество на западном фронте	1.891,2
Частные кабели	77,8
Сданные ценные бумаги	392,6
Саарские угольные копи	1.017,1
Уступленное имперское и государственное имущество	5.032,1
Доля потерянных провинций в государственном долге	644,4
Отказ от требований германских подданных к подданным стран Антанты	8.600,0
Германское имущество заграницей, подлежащее ликвидации	11.740,0
Всего . .	41.612,6

Другие платежи и расходы не в счет репараций:	В миллионах золотых марок.
Государственные кабели	1,6
Государственное имущество в Эйпен-Мальмеди	150,0
Разные расходы по „восстановлению“	446,2
Расходы по содержанию оккупационных армий	895,0
Расходы по содержанию антантовских комиссий	94,0
Выданные Германией военные суда	1.417,0
Оставленное имущество на восточном фронте	1.050,0
Военное и промышленное „разоружение“	8.950,0
Платежи в порядке „clearing'а“	615,0
Разное	685,9
Всего . .	14.304,9
Общий итог	55.917,5

Комментарии, повидимому, излишни. Но для довершения картины надо напомнить, что Германия, долженствующая платить все это, по Версальскому договору была лишена $^3/_4$ всей своей железной руды (28,5 милл. тонн); угля же у нее после войны осталось примерно 78 милл. тонн, вместо 140 милл. — в результате ампутаций угольных бассейнов, — с одной стороны, и обязательных поставок—с другой[1]). Германия принуждена платить, лишенная жизненных соков, необходимых не только для платежей, но и для сколько-нибудь здорового развития своего хозяйства. Но мы уже знаем своеобразные последствия это до 1921 года. Когда немецкая марка, в результате репарационных платежей, в этот год мирового кризиса, стала падать неслыханным („российским") темпом, то Германия получала от этого лишние толчки и лишние выгоды в своем бешеном экспорте. Увеличивая этим „бросовым", дешевым вывозом кризис мирового рынка, Германия в то время, можно сказать, питала им свою промышленность. Понятно, что падение марки было вместе с тем благоприятным фактором для понижения заработной платы. И эта комбинация выгодного экспорта и дешевого труда породила расцвет германской индустрии на фоне мирового кризиса. Как уже было указано, безработица и резервная армия почти исчезли в Германии в 1921 году.

Однако, совершенно ясно, что так не могло долго продолжаться. Без жизненных соков в народном хозяйстве промышленность не могла долго работать полным ходом: она должна была натолкнуться на *недостаток сырья*. Во второй половине 1922 года появились признаки сырьевого истощения. А вместе с ними — величайшая тревога победительницы Франции: сможет ли Германия платить? Не ставит ли под удар всю экономику Франции эта новая конъюнктура за Рейном?

Но не только тревога владела просвещенными наследниками великой революции. Владел ими и трезвый экономический

---

[1]) Как известно, Германия по Версальскому договору должна поставлять Франции, так-называемую, „разницу" между довоенным и послевоенным производством угля во Франции. Помимо этого, Франция получает от Германии ежегодно 7 милл. тонн угля, Бельгия— 8 милл., Италия от 4,5 до 8,5 милл. Всего 25 милл., а с разницей — 40 милл. тонн.

расчет, владела алчность, владели инстинкты рыцарей большой дороги: если Германия не может сопротивляться, если при помощи африканских цветных дикарей с ней можно сделать все, что заблагорассудится, то почему же не присоединить к исконной и благоприобретенной лотарингской *руде* еще *рурский* уголь? Ведь всякому известно, что одна тонна руды требует при плавке двух тонн угля; значит, выгоднее руду возить к углю, а не наоборот. Но это значит — приходится возить ее из французской Лотарингии в немецкий Рур. Ясно, что надо сделать Рур французским. Есть опасность, что Германия в результате сырьевого истощения не выполнит своих законнейших обязательств. Но это имеет свою прекраснейшую сторону! Это — предлог для дальнейшего разрушения Германии и для дальнейших территориальных захватов. В январе 1923 года французы оккупировали Рурскую область. Это был *„залог"* выполнения Версальского договора. Но еще больше это было новое приобретение угля в дополнение к старому приобретению руды.

Занятие Рура было облегчено сменой „малой коалиции" демократа Вирта правительством Куно—Стиннеса; первое вело показную и бесхитростную „политику выполнения" Версальского договора (Erfulluns politik); второе вступило на путь хитроумной „национальной" политики. За этим последовала потеря Рура и крах национальной политики. Политика германской буржуазии, будь она политикой выполнения или сопротивления, не может не изменить аппетитов Франции, ни повести к оздоровлению германского народного хозяйства... Так или иначе, в январе 1923 года цветные войска под командой французского генерала Дегута оккупировали Рур.

Что же означает оккупация Рура для народного хозяйства Германии? Очень кратко, но совершенно ясно об этом говорит следующее. Во всей Германии население на квадратный километр составляет 127 человек; в Рурской области — 1.553 чел. Это 7% послевоенной территории государства; но это 20% его населения. Это наиболее густо населенная область на всем европейском континенте. И, конечно, эта густота населения знаменует собой *промышленное* значение Рура для всей Германии. Взглянем на следующие цифры:

Промышленность.	Из 1.000 человек, занятых в соответствующих отраслях во всей Германии, приходилось: Область, оккупированная по Версальскому договору.	Рурская область.	Все оккупированные области.
Горная и горнозаводская	154	435	589
Металлообрабатывающая и машиностроительная	109	73	182
Химическая	200	61	261
Текстильная	114	13	127
Вся промышленность	110	75	185

Всего Германия лишилась, как видим, около одной пятой своей промышленности. Но, с занятием Рура, Германия потеряла *около 60% горной и горнозаводской* промышленности. Рурский бассейн содержит вообще 80% всех угольных богатств страны. В 1922 г. там было добыто 71% всего немецкого угля. Теперь от Германии отторгнуты области, где добывалось 85% каменного угля и 27% бурого угля. Что касается кокса, то он производился почти исключительно в Рурской области (на 90%). Из этих количеств ранее вывозилось в неоккупированные области Германии 24 милл. тонн угля и 7,9 милл. тонн кокса. Стало быть, в 1923 году неоккупированная Германия была лишена этой пищи для своей промышленности.

Но и этого всего мало. После отторжения Лотарингии в 1919 году, после передачи Польше восточной части Верхней Силезии в 1921 году, Рур стал главным центром чугунной и сталелитейной промышленности. До занятия Рура эти отрасли в Германии сократились примерно на одну треть. И в этой послеверсальской продукции Рурская область играла такую роль:

		Ранее оккупированные районы.	Рурская область.	Оккупированные районы вообще.	Вся Германия после войны.
Чугун.	1913 г.	2.883	6.622	9.505	12.287
	1920 „	1.319	3.779	5.098	6.647
Сталь.	1913 „	4.378	7.251	11.629	13.659
	1920 „	2.016	4.702	6.718	8.136
Прокатные изделия.	1913 „	3.576	5.484	9.060	11.050
	1920 „	1.718	3.234	4.952	6.212

Другими словами, — в отторгнутых от Германии районах сосредоточивается $^4/_5$ всей немецкой тяжелой индустрии.

В Руре же производилось больше половины всей металлургической продукции Германии. Стало быть, дело совершенно ясно: это не только ампутация конечностей и не только лишение питательных соков, но и тяжкое поражение внутренних органов германского народно-хозяйственного организма. И при таких условиях Германия вынуждена платить.

Понятно, что этого не могла бы выдержать никакая валюта. То, что происходило с немецкой маркой в 1923 году, особенно во второй его половине, превосходит не только российскую „социалистическую" инфляцию, не только предыдущее бешеное падение марки, не только все классические примеры обесценения денег из всемирной истории, — но и самую пылкую фантазию. В начале января доллар в Берлине стоил 7 — 10 тыс. марок; в июне 75—154 тыс.; в августе 2—10 милл.; в октябре 3 — 75 миллиардов; в ноябре — сотни миллиардов и 4—5 триллионов.

Деньги, полученные сегодня в качестве недельного жалованья, ничего не стоили уже завтра и стоили половину через несколько часов. На вчерашних крупных купюрах сегодня пишут записки, так как это стоит дешевле, чем равновеликий клочек белой бумаги. Трамвайный билет в ноябре 1923 года стоил 150 миллиардов марок. Это — явное доведение до абсурда денежного обращения бывшего первоклассного государства. Осенью 1923 года бывали случаи, когда типографии изготовляли по контракту денежные знаки с уплатой в золотом исчислении, и в конце выполняния заказа за каждый экземпляр приходилось уплачивать бумажными деньгами больше, чем номинально значила сама ассигнация.

Но с переводом на золотое исчисление, дело, вообще говоря, обстояло слабо. Налоги стали взиматься в золоте только с 11 октября. Но это сущие пустяки в сравнении с тем фактом, что Рейхсбанк *кредитовал „промышленность" по принципу „марка равна марке"*. До августа эти кредиты исчислялись в сумме 2,5 миллиарда золотых рублей. И всякому ясно, что это было самое откровенное и наглое разграбление казны крупнейшими капиталистами из „национальной" и „народной" партий Германии. Огромные суммы, получаемые „в кредит" сегодня, превращались, при возврате марками, в *ничто* ко дню уплаты.

Налоговая политика правящей германской буржуазии была того же характера. Во-первых, больше $^9/_{10}$ всех налогов взималось с заработной платы. Капитал и рента оставались почти в полной неприкосновенности. Во-вторых, все налоги вообще в январе составляли 22% доходного бюджета; в июне 11%, а в конце августа, когда действовала уже знаменитая „большая коалиция“ (Стинеса и социал-демократов), когда еще более знаменитый Гильфердинг начал проводить свои страшные финансовые реформы, грозившие уничтожить капитал и заставившие так много смеяться его обладателей, — в конце августа налоги составляли только 0,7% всего бюджета, т.-е. единственным государственным доходом стали примитивные, дурно отпечатанные бумажки — с цифрами в сотни миллионов, в миллиарды и триллионы.

Но еще больше, чем „кредиты“ капиталистам и больше, чем безоглядно шкурная налоговая политика правящей буржуазии — разрушало государственное хозяйство так-называемое *„пассивное сопротивление“* в Руре. Французы не только наводнили эту культурнейшую область Европы цветными дикарями; они, в лице оккупационной власти, вели себя как дикари. В целях акклиматизации и благоприобретения Рурской области, французы немедленно принялись за дезорганизацию местного государственного аппарата. В этих целях они, между прочим, стали практиковать массовые аресты и выселения с Рейна должностных лиц, „хозяйственников“ и представителей рабочих организаций. Немцы ответили на это попыткой парализовать всю хозяйственную жизнь Рура, лишить французский капитал всех выгод оккупации и даже, по возможности, сделать ее невыгодной, непосильной, нестерпимой для французов. Сначала пытались парализовать транспорт, чтобы помешать экспорту из Рура во Францию. Но французам удалось преодолеть транспортные затруднения. Тогда немцы стали останавливать самое производство. Уже в апреле в Рурской области прекратили работу 80% всех коксовых печей. Десятки тысяч рабочих бездействовали, и хозяйственная жизнь почти замерла. Но ведь это было не местным, а общенациональным делом. Это было политикой государства, и это осуществлялось за счет его средств. Промышленники бездействующих предприятий не должны были, конечно, терпеть убытки и должны

были, с надлежащими избытками, покрывать их за счет казны. Кроме того, из этих субсидий необходимо было уделять крохи и рабочим, и бездействующим чиновникам. Политика пассивного сопротивления оказалась, поэтому, не дешевой. Ежедневный расход по этой статье исчисляется приблизительно *в 40 милл. золотых марок*. Разумеется, это само по себе могло расстроить государственное хозяйство, поставленное в достаточно благоприятные условия. Германские же финансы это совершенно доканало.

Так как без денежной единицы жить нельзя, а марка переставала быть ею, то было все-таки неизбежно принимать меры к стабилизации валюты. Иначе вместо торговли — сплошной хаос и вакханалия, а затем и решительный отказ обладателей необходимых благ (главным образом крестьян) отдавать их за ни к чему ненужные клочки бумаги. Мерой к стабилизации марки были так-называемые интервенции Рейхсбанка. Но это, по существу своему, мера к тому, чтобы попасть из огня в полымя. За счет своих золотых запасов Рейхсбанк снабжал твердой иностранной валютой всех торговцев и промышленников, имеющих (фактически или номинально) сношения с заграницей — по установленной им твердой цене. Для уплаты за эти доллары, фунты и швейцарские франки, которые желательно и необходимо иметь каждому, требовались огромные суммы марок. И марки поднимались в цене, держа доллар на одном уровне иногда в течение нескольких недель. Так было с февраля по апрель; и так было в декабре — январе 1923—1924 г.г. Но эта мера сама по себе, без ряда сопутствующих радикальных финансовых мероприятий, не могла привести к цели. Ибо влиятельнейшие круги финансистов и промышленников кровно заинтересованы в *падении* марки: ведь главнейшие отрасли и фирмы работают на экспорт; мы знаем, какие премии они получают при экспорте, когда марка — в процессе падения. Этого достаточно, чтобы ликвидировать старания своего же брата — плутократического государства, направленные к стабилизации марки. Мероприятия Рейхсбанка срывались. Но чего они стоили! Какова обратная сторона дела? Обратная сторона дела сводилась к тому, что германское государство разбазарило и промотало путем интервенций свой золотой запас. В декабре 1922 года он

составлял 1.005 миллиарда золотых марок; в декабре 1923 г.— только 400 миллионов. Но декабрь — январь были периодом большой интервенции. В феврале 1924 года она снова была сорвана, а от золотого запаса, видимо, не осталось уже ровно ничего.

Разорение германского государственного хозяйства было довершено. И, казалось бы, все сказанное о катастрофах 1923 года довершает картину германских бедствий и разрухи. Однако — нет! Главное еще впереди... Мы знаем, что при ампутации рабочих органов территориальными захватами, при лишении жизненных соков по Версальскому договору, при бурном падении марки после лондонского ультиматума — Германия в 1921 — 1922 годах развивала бешеный экспорт, ликвидировала безработицу и имела процветающую индустрию. Мы упомянули, однако, о том, что это промышленное благополучие не могло быть длительным и должно было натолкнуться на недостаток сырья. Это случилось бы и без занятия Рура. Отторжение же Рурской области десятикратно ускорило и обострило сырьевое истощение Германии. Бедствия великой страны были довершены промышленным кризисом и безработицей, которые достигли огромных степеней к концу 1923 года.

Понятно, что при трудностях сырьевого снабжения в Германии должны были расти цены. Не на бумажки, конечно, а и на золото или на твердую валюту. Промышленность после войны держалась экспортом, а экспорт дешевизной. С истощением источников сырья дешевизна должна была кончиться и уже не могла быть возмещена никаким падением заработной платы. Цены на золото стали сравниваться с ценами мирового рынка и обгонять их. Экспорт стал застопориваться, предприятия сокращать работу, останавливаться и выбрасывать на улицу рабочих.

К сожалению, мы не имеем данных о германской продукции за последнее время: Германия перестала публиковать свою текущую статистику индустрии. Но о размерах кризиса мы все же можем составить себе понятие. Что касается цен в золоте, то отношение общего индекса к индексу доллара равнялось: в январе 100, в августе — 108, в октябре — 127, в ноябре — 158, в декабре — около 160. В Париже и

Лондоне — стало дешевле. Начавшееся с декабря падение цен касается *сельскохозяйственных* продуктов: это означает неблагоприятное расжатие немецких так-называемых „ножниц".

Добыча угля 1913 года исчислялась в Германии в среднем за месяц в 15,8 милл. тонн; в 1921 г. — 11,3 милл., в 1922 г. — 10,9; в январе — феврале 1923 г., после занятия Рура, она низверглась до 1,7 и 1,5 милл. тонн. Несколько выручает Германию бурый уголь, добыча которого держится на довоенном уровне 7—8—9 милл. тонн. Чугун, как и сталь, до войны добывались в Германии в наибольшем количестве во всей Европе. Так осталось и до 1923 года; но чугуна в 1922 году было в Германии добыто 730 тыс. тонн вместо 1.388 тыс. тонн довоенной нормы, а стали — 762 тыс. тонн вместо 1.412 тыс. тонн. Это было несколько больше, чем в 1921 году, но это, с другой стороны, неизмеримо больше, чем в 1923 году.

Об этом достоверно свидетельствуют цифры безработицы. С 1921 года она сильно поднялась: уже к январю 1923 г. она составляла 4,2% к общему числу членов проф. союзов; в марте она составляла 5,6%; летом число безработных сократилось в виду строительного сезона; в сентябре же безработица поднялась до 6,3%, а в октябре перевалила английский уровень декабря, достигнув 9,9%.

Но эти цифры не выражают действительности. Более, чем полная безработица, характерен процент рабочих (членов проф. союзов), работающих не полное рабочее время (Kurzarbeit).

1923 г.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.
Металлург. . .	3,2	9,3	20,9	39,0	28,6	19,7	19,5	26,0	57,8	—
Текстильщ. . .	39,7	43,8	52,7	51,1	38,5	29,7	26,8	46,2	59,6	62,9
Деревообдел. .	6,5	6,9	16,0	24,0	16,7	6,2	5,5	23,6	33,4	33,3
Все отрасли .	12,6	14,9	23,6	28,5	21,7	15,3	14,5	26,0	39,7	47,3

Кроме 4 — 5 миллионов вполне безработных, мы видим огромные массы полунагруженных работой, т.-е. — полуголодных. И, разумеется, в период этого колоссального избытка

рабочей силы капитал взялся за ликвидацию 8-часового рабочего дня, а социал-демократия ему в этом предупредительно уступила без боя, — охраняя „ноябрьскую республику"...

Также недостаточные, хотя и более полные данные мы имеем о германских оборотах внешней торговли. Конечно, и здесь занятие Рурской области имело чрезвычайное значение и сделало 1923 год несоизмеримым не только с довоенными, но и с непосредственно предшествующими. Самые общие данные о натуральных и ценностных внешних оборотах (в золотых марках) таковы:

В среднем за месяц.	Импорт милл. метрич. тонн.	Экспорт милл. метрич. тонн.	Импорт милл. золотых марок.	Экспорт милл. золотых марок.
1913 г.	6,1	6,1	897,5	841,6
1918 „	—	—	—	—
1920 „	1,6	1,6	8.256,4 [1])	5.785,1 [1])
1921 „	2,2	1,7	9.816,0 [1])	8.299,7 [1])
1922 „	3,8	1,8	516,7	330,8
„ ноябрь	4,5	1,5	536,2	255,2
„ декабрь	4,3	1,7	289,8	423,0
1923 г. январь	4,7	1,3	563,8	311,4
„ февраль	3,2	1,1	446,2	360,6
„ март	5,2	0,9	503,1	435,0
„ апрель	6,4	1,0	639,1	417,9
„ май	4,0	0,9	—	—
„ июнь	4,8	0,8	—	—
„ июль	4,2	1,0	—	—
„ август	4,1	1,1	—	—
„ сентябрь	3,4	1,1	—	—
„ октябрь	2,9	1,2	—	—

В 1913 году натуральный экспорт, как видим, был равен натуральному импорту. Затем импорт, чем дальше, тем больше стал превышать ввоз, пока в апреле — июне 1923 г. натуральный ввоз не превысил в шесть раз число вывезенных из Германии грузов. К концу года началось сокращение ввоза и баланс стал более благоприятным. Но мы видим, что это произошло за счет колоссального сокращения оборотов. Бессильная вывозить — Германия была вынуждена сократить заграничные покупки и тем самым ослабить снова и снова базу своей экономики.

[1]) За 1920 — 1921 г.г. — в бумажных марках.

Лучше дело обстоит при взгляде на *ценностные* внешние обороты. Сокращение сравнительно с довоенной „нормой“ не столь значительно; а сравнительно с предыдущим годом в 1923 г. дело как-будто бы пошло к лучшему. К сожалению, мы не имеем достоверных данных за последние месяцы. Ныне из своих внешних оборотов немцы также делают государственную тайну. Благодаря этому, считается даже неясным и является предметом оживленного спора, имеет ли Германия в 1923 году активный или пассивный торговый баланс. Опубликованный, наконец, торговый отчет дает некоторый общий пассив. Но как бы то ни было, при сопоставлении ценностных оборотов с натуральными, становится очевидным, что ценностный экспорт вырос только за счет повышения цен. И ясно, что это обстоятельство подрывает экспортные возможности и ставит преграды его дальнейшему развитию. Мировой рынок не может принимать немецких товаров по ценам, растущим за два месяца в полтора раза. Германия, не нынче — завтра, должна прекратить свою конкуренцию „бросовым экспортом“, должна перестать давить на мировой рынок и увеличивать кризис победителей. Франция должна быть довольна. Но... тем самым выжитая, как лимон, Германия должна прекратить платежи по Версальскому договору. Должна ли быть довольна Франция?

Из сказанного ясно, что Германия вынуждена ввозить в настоящее время огромные массы громоздких и дешевых продуктов; вывозит же она продукты, по преимуществу, негромоздкие и дорогие. Что это за продукты? Основные массы германского натурального экспорта состоят из таких статей:

	Милл. тонн за январь — сентябрь 1922 г.	1923 г.
Все пищевые продукты . .	37,8	27,2
Шерсть, хлопок, лен, джут .	5,4	4,1
Строительный и подел. лес .	18,5	28,7
Каменный уголь и кокс . .	96,3	213,8
Железная руда . . .	81,9	20,6
Обработанные металлы .	8,4	7,9
Всего	343,8 [1])	374,4 [1])

[1]) В итог входят и все прочие товары.

Несмотря на то, что промышленная Германия ввозит продовольствие, ее натуральный импорт составляется на девять десятых из сырых и полуобработанных продуктов. До занятия Рура, как и после занятия, в этой категории ввоза первое место занимали уголь и кокс. Но *до* занятия уголь составлял только треть импорта и не так много превышал импорт железной руды. В 1923 году положение радикально изменилось. С рудой стало нечего делать при недостатке угля, и ввоз ее сократился вчетверо. Но это не избавило от необходимости увеличить в $2^1/_2$ раза импорт угля и кокса, которые в 1923 году составили уже 60% всего ввоза.

И немудрено! Ампутацию нужно было хоть как-нибудь возмещать. Ведь на оккупированные области Германии приходилось больше половины всего германского грузооборота, а на один только водный транспорт крошечного Рура — 30% его! И этот грузооборот питал главным образом неоккупированную Германию: именно на нее приходилось 70% отправок из захваченных областей. Это составляло 41 милл. тонн (в 1920 году), — почти в семь раз больше всего довоенного импорта. Чтобы продолжать также питать свою промышленность, Германия должна была бы в несколько раз увеличить довоенный ввоз. Но для этого нет сил, и после войны импорт упал вдвое, чтобы увеличиться после захвата Рура и снова пасть от недостатка средств.

Сказанного, повидимому, достаточно для уяснения современной экономической ситуации в Германии и для оценки перспектив ее дальнейшего развития. Страна разорена, и ее хозяйственный организм совершенно искалечен. При существующих условиях он должен погибнуть. Но — великая страна не может погибнуть. Стало быть, будут изменены существующие условия.

VI. Итоги.

Германия, бывшая мирная завоевательница всей Европы, а теперь жалкая калека — бывшая главная скупщица товаров всего мира, а ныне нищая, которая пробавляется крохами кое-как, — Германия остается величайшей и населеннейшей страной Западной Европы. Правда, по прекрасному выражению Клемансо, на свете существует 20 миллионов лишних немцев. Но они все-таки существуют, совсем не зная, что они лишние. Кроме того, даже в современной общипанной и обглоданной Германии существует еще столько же примерно немцев, сколько имеется всего на свете французов. И все эти десятки миллионов людей, носителей величайшей национальной культуры, непременно *будут существовать* в условиях, достойных передового государства. Такие условия *будут* созданы, это непреложно. Современное положение Германии может быть только временным и преходящим. Здесь не может быть речи об устойчивом и постоянном статусе.

Но Германия была и осталась переплетенной миллионами нитей с экономикой других мировых стран. Она не живет „сама по себе", лишь стороной задевая мировую экономику — подобно Испании или Норвегии. Германия была и остается в самых недрах мирового капиталистического хозяйства, она, так сказать, — им определяется и его в огромной степени определяет. И в данных, в описанных условиях — это злокачественная язва всего мирового капитализма.

Положение Германии непереносимо — с контрибуцией и без захваченных территорий. Но ведь Франция не может отказаться ни от того, ни от другого. В этом не злая воля правящих во Франции разбойников, в этом железная логика послеверсальского мира. В силу этой логики Франция оккупировала и Рур, неизмеримо углубив и обострив противоречия между Средней и Западной Европой. В силу той же логики тут

невозможны никакие примирения и соглашения, основанные на самой благой воле, но не на понимании дела. Об этих соглашениях между Францией и Германией ежедневно (почти не изменяя выражений) галдят репортеры с тех пор, как существует Версальский мир. Конференции, совещания, заседания, меморандумы, представления, ноты — сменяют друг друга без интервалов. Но противоречия обнаруживают способность лишь к обострению, а не к примирению.

После начала „национальной политики" Куно, а особенно после захвата Рура трезвые и ученые немецкие социал-демократы избрали главной своей специальностью — помахивание пальмовой ветвью перед глазами достойного наследника Клемансо—„Пуанкаре-Войны": только соглашение с Францией оздоровит Германию, надо пойти на разумные компромиссы и прекратить „пассивное сопротивление". Оно было прекращено „большой каолицией" Штрезёмана и Гильфердинга—25 сентября. Тут же последовали и другие уступки и унижения. Но были вышвырнуты за дверь полномочные представители Германии, когда после этого они заикнулись о смягчении французской политики, об очищении Рура, о льготах по репарациям, о букве Версальского договора. Да собственно даже не успели и заикнуться. Ни о каком соглашении между правительствами не было допущено речи: немецких уполномоченных послали к рурским местным оккупационным властям, чтобы у них получить директивы по восстановлению — на потребу французам — рурского производства и транспорта... Если не железная логика развивающихся событий, то совершившиеся факты доказали невозможность соглашения. Тогда трезвые социал-демократы оказались бесполезными и во главе с ученым Гильфердингом были выброшены из правительства, чтобы продолжать проповедь соглашения вне его — с тем же решением и с теми же шансами на успех.

„Пассивное сопротивление" в Руре стоило Германии столько, сколько могла бы стоить война. Но Франции оккупация стоила не меньше, а гораздо больше. Разорительность оккупации для пустой французской казны стала притчей во языцех на первых же порах ее. Вреда оказалось больше, чем пользы; но против логики событий ничего не поделаешь: назад итти нельзя. Ныне давно кончилось пассивное сопротивление; про-

мышленники-немцы не только дружно работают с оккупантами и ищут у них защиты против рабочих, но и обнаружили в подходящий момент явную патриотическую склонность к сепаратизму от безнадежной Германии; а между тем в феврале 1924 года опять возобновились толки об убыточности оккупации. И снова репортеры газет и телеграфных агентств зарабатывают строчками о предстоящем соглашении. От этого не будет легче ни Германии, ни Франции.

Германия в современных условиях ни развиваться, ни даже жить не может. В ней накапливаются силы для взрыва, который непредотвратим. И Франция, непосредственно, кровно, шкурно заинтересованная в его предотвращении, не может ничего сделать для устранения причин его — против логики событий. Да и в пределах логики, плывя по течению, правящая Франция может сделать немного, хотя то, что она может, она делает исправно и добросовестно. Она может, во-первых, поддерживать и провоцировать сепаратистское движение германских окраин, чтобы добиться полного расчленения, распыления, разложения государства. Она может, во-вторых, разоружая Германию одной рукой, смотреть сквозь пальцы другой на организацию нелегальной немецкой фашистской армии (так-называемого „черного рейхсвера"), чтобы Германия имела достаточно сил для разгрома своей революции. Франция может, наконец, продолжать вопить о германской опасности для культуры и свободы, разоряясь снова и снова, до конца на неслыханные вооружения, присоединяя ко всем чудовищам истребления на суше и на море еще бесчисленные полчища аэропланов — после победоносной „войны за мир". Тучный запад и тощий центр европейского континента, сплетенные в единый неделимый клубок, в мире как в войне, стоят на наклонной плоскости, в титаническом напряжении друг перед другом. Но им не удержаться на наклонной плоскости, как не разрешить этого напряжения—ни войной, ни миром. Ибо это только форма, видимость конфликта между Западной и Средней Европой. По существу—это смертельный кризис капиталистической системы хозяйства, который может быть разрешен лишь в порядке социального переустройства общества...

* * *

Но если не на континенте, то может быть в Англии последний период подъема напоминает былое органическое развитие народного хозяйства на капиталистической основе?.. Не может быть сомнений в том, что здесь социальные конфликты далеко не так обострены, как на континенте и непосредственно не сулят тех же взрывов, в те же сроки. В частности, правящие сферы Англии всегда обладали особым искусством смягчать эти конфликты — путем смелых уступок. Особенно текущий 1924 год был показателен в этом отношении; впервые в истории Англии буржуазия поставила у власти „рабочее правительство", позволив ему править без парламентского большинства! В программной речи Макдональд, один из лидеров социалистического Интернационала, был очень тверд и радикален. И не только факт его правления, не только его слова, но и некоторые его шаги во внешней и внутренней политике способны внести деморализацию в борющийся британский пролетариат. Но все это совсем не означает ни „независимости" британского хозяйства от континентального, ни оздоровления британского капитализма.

Английский капитал умел всегда во-время лавировать и уступать, чтобы сохранить свои позиции. Мы знаем, что он делает это не только во внутренней политике, но *и* во внешней. В момент наибольшей остроты своего промышленного кризиса он выступил, как мы знаем, с предложением пересмотреть Версальский мир и пойти навстречу Германии; чтобы сократить число своих безработных. В 1923 году Англия систематически делала вид, что она против новых французских насилий над Германией, и непрерывно грозила выступить против Рурской оккупации.

Но Англия в конце-концов не выступила ни против Версальского договора вообще, ни против захвата Рура, в частности. Когда, после огромного мирового истощения, промышленность снова вступила в полосу прилива, то выпадение Германии сейчас же обернулось к британскому капиталу своей благоприятной стороной. Поскольку на старых исконных рынках Англии стало наступать оживление,—они были теперь в ее распоряжении, — без угроз со стороны страшного про-

тивника. Захват же Рура открыл Англии новый рынок *для угля* в самой Германии. Огромные массы угля, ввезенного в 1923 г. в Германию, были драгоценным подарком Англии, увеличившей свою угольную продукцию и экспорт. Если для Франции захват Рура был предприятием сомнительным, то для Англии это был безусловный выигрыш.

Но во всем этом и проявляется неразрывная связь британского хозяйства с развинченным, судорожно-искаженным, неустойчивым, переходным хозяйством континента. И в этом проявляется собственная настойчивость британского капитализма, не имеющая ничего общего с его органическим развитием. Подняв свою угольную промышленность в связи с очередной экономической судорогой на континенте, Британия продолжает испытывать все тот же кризис 1921 года в главнейших своих отраслях и продолжает содержать на государственный счет невиданный до войны процент безработных. И положение на континенте, и положение дел за океаном, и индустриализация собственных исконных заморских покупателей—делают тут перспективы безнадежными.

В 1924 году старая Англия сделала еще одну коммерческую уступку во внешней политике. После неудачных попыток Ллойд-Джорджа вынудить ласками признание царских долгов в Генуе, после не столь давних выступлений с ультимативными угрозами лорда Керзона, — коллективные Ллойд-Джорджи и Керзоны уступили, наконец, „рабочему“ Макдональду честь, или взвалили на него обязанность „признать“ существование России. В Генуе требовали предварительного признания долгов; теперь „признали“ безо всяких условий. Фактически подписались под тем, что с России не получить ни копейки старого долга. „Признали“ бы и раньше, если бы не боялись дать такой несравненный козырь всем прочим должникам Англии. Но теперь дали этот козырь. Теперь Франция, Италия, не говоря уже о всякой мелкоте, так же не склонны будут платить долги Англии. От хорошей жизни на это не пошел бы гордый Альбион. Но он не только горд, он — пуще того — трезв. Так нужны рынки для Ланкашира!

Еще до Генуи в Англии происходила борьба между „либеральным“ текстильным капиталом и тяжелым финансовым, между „Manchester Guardian“ и „Times'ом“. Первый жаждал

текстильных рынков, второй — взыскания долгов. Последний поддерживала ростовщическая Франция, которая способна смотреть на Россию только сквозь призму старых долгов, как раньше — сквозь призму пушечного мяса. В эпоху Генуи единый фронт французских и британских финансовых сфер одержал верх над Ланкаширом. Антанта солидарно отказалась от „признания" России, не признающей долгов и толкующей о встречных исках за интервенцию. Теперь победил либеральный Ланкашир. Англия (если не считать Раппальского договора с Германией) „признала" Россию первой. Франция может признать ее только последней. И теперь Антанта, трещавшая по всем швам в течение всего Версальского мира, фактически ликвидирована. Новых группировок еще нет, но старых *уже* нет. Каждый действует фактически сам по себе и спасается, как может...

Для британской промышленности и торговли пути в Россию теперь формально и политически больше не заказаны. Но может ли это фактически быть средством спасения? — Прежде всего, не следует вообще преувеличивать значение России, как рынка. Надо вспомнить, что его емкость для всех импортеров, взятых вместе, выражалась до войны всего в один миллиард с небольшим золотых рублей. Англия из всего своего экспорта в 6,3 миллиарда руб. продавала в России на каких-нибудь 150 миллионов (2,3%). Соед. Штаты экспортировали в Россию меньше 1%, а Франция — около 1,5%. Только Германия имела в России большой рынок, поглощавший около 14% ее экспорта. Конечно, эти 700 милл. руб. германского ввоза в Россию ныне желает присвоить себе Англия. Но ведь вся эта сумма не достигает величины довоенного экспорта в одну только Германию из одних только Соед. Штатов!

Так было до войны; это, так сказать, „нормальная" емкость российского рынка; этим мы поддерживали передовой западный капитал в эпоху его органического развития. Что сулит Россия теперь? Положение и с этой стороны, как со всех других, полно противоречий; но положение таково, что оно меньше всего может обещать спасение.

В эпоху Генуи игра явно не стоила свеч. Мобилизуя все средства спасения, европейский (особенно английский) капитал тогда предпринял безнадежную попытку соглашения с боль-

шевистской Россией. Но Россия была тогда нищей, она не могла ровно ничего — ни купить, ни продать. А ведь до купли-продажи с нее требовали долги, которых она также не могла платить — помимо того, что она этого не хотела. В те времена питание за счет России было полной утопией.

Но сейчас времена не те. На долги махнули рукой, а Россия разбогатела. Она далеко не стала даже тем (небольшим) рынком, каким была до войны; но через несколько лет она будет самой богатой страной в Европе, и ее покупательные способности будут очень велики. Однако, *способность* быть рынком — это одно, а *готовность* к тому — другое. Во-первых, Россия способна не только покупать, но — по своим естественным свойствам — вообще говоря, способна и производить сама все, что ей нужно. Через несколько лет Россия (в развитии своих производительных сил) может стать гораздо более независимой от Европы, чем Соед. Штаты, промышленность которых исторически гораздо теснее связана с мировым рынком. Во-вторых, современная Россия необходимо должна вести и будет вести экономическую политику, обеспечивающую рост ее собственной промышленности и ее пролетариата, организованного в процессе производства. И, опираясь на свои огромные естественные богатства, она *может с успехом* вести эту политику. Стало быть, ее готовность служить рынком для западных товаров, как и местом приложения западных капиталов, — очень относительна и ограничена. На благополучие с этой стороны расчитывать нельзя

Да и вообще не парадоксально ли, не странно ли, не смешно ли представлять современную Россию в роли спасительницы мирового капитализма, а не важнейшего фактора его ликвидации! Такова ли отныне историческая миссия этой страны неограниченных возможностей, сказочных народных подвигов и экономических чудес? Там опрокинуты все основы векового человеческого общежития; там поставлены на голову экономические принципы, свойственные капитализму; там управляют те, кто создан для подчинения, и со связанными руками, под строгим надзором, до поры до времени действуют те, кто создан, чтобы управлять; там производство растет, когда оно дает убыток, там продукция умеет увеличиваться во время

кризиса; там безработица умеет расти вместе с увеличинием числа занятых рабочих, а заработная плата повышаться во время безработицы. Там все неведомо и непонятно. Оттуда гибель, а не спасение дряхлому и злому строю Запада.

* * *

Наилучшую конъюнктуру и наилучшие перспективы имеет, конечно, капитал Соед. Штатов. Новый Свет окопался, забаррикадировался от Старого. Он почти наглухо забил все щели для товаров и готов сосать из Европы одно только золото. Мы уже упоминали о протекционистских мероприятиях 1921 года, которые казались уже последним словом „защитительной" мудрости. Но оказалось, что можно итти и дальше. Ныне в Соед. Штатах действует новый тариф 21 сент. 1922 г., который снова повысил таможенные ставки на 20—30%. Но и этого мало: ныне президент получил право в установленном порядке, а фактически по своему свободному усмотрению, снова повышать пошлины — до 50% их общей величины. Это совершенно панические меры. И они имеют свои основания. Аграрный кризис и оскудение фермера не сулят много хорошего, — хотя бы перспективы были и лучше, чем в Европе. Ведь мировой рынок не действует, как должно и как нужно. И если фермер произвел слишком много, если Европа „не принимает", если валютные отношения и слишком тяжелая рука монополиста-кредитора заставят ее предпочитать *русский* хлеб (ради равновесия!), то „аграрное дополнение" Нового Света, несмотря на свои огромные размеры, не сможет служить надлежащей базой для промышленности. И без того уже автомобилями снабдили чуть не каждое американское семейство! И в приведенных выше цифрах, относящихся к концу 1923 г., не видно ли признаков нового поворота к новым худшим временам?..

Однако, подъем за последние два года все же имел место и был значительным. Возможности роста производительных сил на капиталистической основе, в эпоху Версальского мира, все-таки остаются. Это так. Но, во-первых, надо отдавать себе точный отчет в том, что до сих пор мог дать этот подъем

мировому хозяйству. Тут интересны итоговые цифры по мировой продукции тяжелой индустрии [1]):

	ЧУГУН (тыс. англ. тонн):			
	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Англия	10260	2616	4902	7360
Соед. Штаты	30653	16506	26851	39500
Франция	5126	3308	5147	5000
Бельгия	2428	862	1578	2118
Люксембург	—	955	1650	1350
Германия	19000	6096	8000	4000
Чехословакия	—	532	339	590
Польша	—	640	458	492
Япония	56	200	300	300
Всего с другими странами	77182	34700	51938	64580

	СТАЛЬ (тыс. англ. тонн):			
	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Англия	7664	3703	5881	8480
Соед. Штаты	31301	19744	35603	44400
Франция	4614	3010	4464	4750
Бельгия	2428	780	1539	2185
Люксембург	—	747	1368	1117
Германия	18631	8700	9000	5000
Чехословакия	—	904	630	738
Польша	—	1476	930	935
Япония	13	558	500	500
Всего с другими странами	75019	42487	63098	72573

Как ни велик был подъем в некоторых первоклассных странах, он не заполнил пустот, образованных войной. В мировом хозяйстве, некогда развившем свои потребности до определенных норм, война и послевоенный кризис создали оскудение, которое далеко не изжито доселе. Подъем 1922—1923 годов заполнял, но далеко не заполнил пропасти, вырытой катастрофой. И он, в настоящем своем виде, совсем не означает послевоенного развития производительных сил мира на капиталистической основе; не означает продолжения органического роста капитализма, прерванного войной. Это — во-первых.

[1]) По подсчетам „Iron Trade Rewiew“ — цит. по „Economist“, 5 January 1924.

Во-вторых, проблема не ставится так: возможен ли подъем в эпоху Версальского мира, в период новых послевоенных противоречий капиталистического хозяйства. Поскольку человечество существует, постольку известный минимум его потребностей неизбежно должен удовлетворяться. И если производство пало ниже его, то подъем возможен и неизбежен.

Проблема ставится иначе. Может ли означать подъем конъюнктуры оздоровление и возврат к новой жизни капитализма? Возможно ли впредь его нормальное развитие? Может ли быть подъем признаком дальнейшей жизнеспособности капитализма? И вот на это возможен только отрицательный ответ.

Современный капитализм, пока он жив, замкнут в прочном круге и обречен метаться между двумя роковыми точками: довоенного полнокровия и послевоенного небывалого упадка. Ни ту ни другую грань перейти ему не дано. Обе грани упираются в новые войны. Это роковая неизбежность, поскольку капитал еще жив; и тщетны его попытки пробить стену для притока свежего воздуха, бесплодны усилия замурованного, который задыхается то от полнокровия, то от нищеты.

Накануне войны мировой капитализм сказал свое последнее слово. Это была высшая точка развития производительных сил, достигнутая на основе капиталистического хозяйства. С войны 1914 г. началось разложение и гниение капитализма. И началась эпоха полного упадка всей буржуазной культуры,— упадка, ведущего к средневековому варварству, к царству крови и железа, к вырождению цивилизации, к одичанию нравов — поскольку жив капитализм. На капиталистической основе невозможны более и процветание мировой экономики и культуры, а только упадок и гибель их. Если будут существовать и расти впредь производительные силы и культура, то они будут расти на новой социальной основе. А они *будут* существовать и процветать.

Все объективные условия для мировой социалистической революции налицо. Эпоха социалистической революции началась, хотя революция еще не победила. *Субъективных* предпосылок нет налицо. Международный пролетариат, могильщик капитализма и его раб, под его гнетом не осознал

своей исторической задачи и не успел построиться в боевые колонны.

Но это не меняет исторического хода вещей. Мы знаем твердо и незыблемо: *бытие определяет сознание.* Если сегодня сознание отстало от бытия, то завтра оно его догонит. Боевые пролетарские колонны, под знаменами III Интернационала, будут построены и выполнят свою историческую миссию. Ибо нет иного выхода ни для бытия, ни для сознания. Если перед рабочими всего мира не встала сегодня, то встанет завтра дилемма: или погибнуть среди развала и гибели буржуазной культуры, или спешно строить ряды для решительного боя, для последнего штурма шатающихся твердынь капитализма.

Ник. Суханов.

18 февраля 1924 г.

[illegible] ЦЕНТРАЛЬНАЯ
[illegible] БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ [illegible] 19 [illegible] г.

СОДЕРЖАНИЕ.

		стр.
I.	Последний этап органического развития капитализма . . .	3
II.	Период войны (1914—1918 гг.)	27
III.	После-военный кризис (1919—1921 гг.)	43
IV.	В поисках спасения	57
V.	Час прилива (1922—1923 гг.)	73
VI.	Итоги	97

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Что даст земля городскому рабочему. М. 1907.
Крестьянский бюджет на севере. Архангельск. 1911.
Наши левые группы и война. 4-е изд. П. 1916.
К кризису социализма. 2-е изд. П. 1916.
Наши направления. 2-е изд. П. 1916.
Почему мы воюем? П. 1916.
Интересы России в мировой войне. П. 1917.
Земельная рента и принципы зем. обложения. 2-е П. 1921.

Записки о революции:

Т. I. Мартовский переворот. 4-е изд. 1922.
Т. II. Единый фронт демократии (3 марта—3 апр. 1917). 1922.
Т. III. Создание единого фронта буржуазии (3 апр.—5 мая). 1922.
Т. IV. Первая коалиция против революции (6 мая—8 июля). 1922.
Т. V. Реакция и контр-революция (8 июля—1 сентября). 1923.
Т. VI. Закат демократии (1 сентября—21 октября). 1923.
Т. VII. Октябрьский переворот (10 октября—1 ноября). 1923.

Очерки по экономии сельского хозяйства. М. 1924.
К вопросу об эволюции сельского хозяйства. 2-е изд. М. 1924.
Мировое хозяйство накануне и после войны. М. 1924.

Под редакцией и с введением **Н. Н. Суханова.**

Архангельская губерния по статистическому описанию 1784 г. Материалы подворной переписи. Таблицы и текст Архангельск. 1913.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74, т. 134-34 и 170-94.

НОВЫЕ КНИГИ.

Адлер, В. Статьи, письма и речи.
Андреев, Н. Прошлое русского народа.
Бауэр, О. Австрийская революция.
Бернштейн, Эд. Ф. Лассаль (новая работа).
Винтер, Г. Пути к повышению производительности предприятий.
Василевский, Л. М. Голгофа подростка.
Вернер, Г. Страна голода.
Вигдорчик, Н. А. Инвалидность. Статистический этюд.
Гед, Ж. Женщина и буржуазное общество.
Гиршгорн и Келлер. Джо-сорванец. С рисунками.
Каутский, Бен. Экономические проблемы современности.
Киплинг. Приключения на суше и на море.
Лирау, В. Новая Турция.
Лондон, Дж. Мартин Иден.
Медем, В. По царским тюрьмам. С предисловием Заславского.
Николаи, Г. Ф., д-р. Биология войны.
Пиацца, А. Затонувший корабль. С рисунками.
Пименова, Э. На запретном пути. С рисунками.
Ридель, И., докт.-инж. Рационализация труда.
Рожков, Н. А., проф. История труда.
Розенталь. „Романовка“. Якутский протест 1904 года.
Суханов, Н. Мировое хозяйство накануне и после войны.
Фогель, В., Новая Европа. Т. I и II.
Файоль, А., инж. Общее и промышленное управление.

Научно-популярная профессионально-техническая библиотека.

Под редакцией проф. П. П. Розанова и Г. В. Ключанского.

Бир, Георг. Плотник.
Папе, Р., д-р. Сапожник.
Эйзенах, М. Столяр.
Эйзенах, М. Портниха.
Коппер, Г. Металлист.
„ Кровельщик.

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК“,

посвященный книге 1921 — 1922 г.

Под редакцией И. В. Владиславлева.

В „Ежегоднике“ помещены: 1) Указатель вышедших за этот период книг. 2) Указатель журнальной литературы (из 124 журналов). 3) Указатель рецензий. Цена 2 р.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА"

Существует с 1916 года.

МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74, т. 134-34 и 170-94.

Доктор Н. А. Вигдорчик.

ТЕОРИЯ и ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ.

(В 10 выпусках).

Интерес к социальному страхованию у нас в настоящее время чрезвычайно велик, а между тем литература вопроса совершенно исскяла. Интерес, проявляемый к социальному страхованию, выходит далеко за пределы того, что может дать краткое популярное руководство. Теперь читатель, интересующийся вопросом, ищет основательного и подробного научного труда. Настоящее сочинение и идет навстречу этой потребности.

Вып. 1-й. Теоретические основы социального страхования. (2-е пересм. и дополн. изд.). Ц. 90 к.

Вып. 2-й. Страхование на случай болезни в Западной Европе. Ц. 1 р. (Печат. 2-е пересм. и дополн. изд.).

Вып. 3-й. Страхование на случай болезни в России. Ц. 1 р. 45 к. (Печат. 2-е пересм. и допол. изд.).

Вып. 4-й. Кассовая медицина. Ц. 75 к.

Вып. 5-й. Страхование от несчастных случаев на Западе и в России. (Готовится к печати).

Вып. 6-й. Статистика профессионального травматизма. Ц. 90 к.

Вып. 7-й. Страхование на случай безработицы. Страхование на случай профессиональных заболеваний. (Готов. к печати).

Вып. 8-й. Проблема материнства в капиталистическом обществе. Ц. 1 р. 45к. (Печ. 2 пер. и доп. изд.)

Вып. 9-й. Страхование на случай материнства. (Готовится к печати).

Вып. 10-й. Страхование на случай инвалидности, старости, вдовства и сиротства. (Готовится к печати).

Того же автора:

Общедоступные беседы по медицине. Ц. 30 к.
Нормальный труд. Ц. 50 к.
Что должен знать каждый рабочий и служащий, застрахованный в кассе социального страхования. Ц. 18 к.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74, т. 134-34 и 170-94.

Проф. Н. Рожков.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

(Основы социальной динамики).

Издание выйдет в 12-ти томах.

Вышли из печати:

Том I. Первобытное общество. — Дикари. — Варвары. — Феодальная революция. Ц. 1 р. 75 к. (2-е изд.).
Том II. Феодализм в развитом состоянии. — Муниципальный феодализм. Ц. 1 р. 55 к. (2-е изд.).
Том III. Падение феодализма. Ц. 1 р. 50 к. (2-е изд.).
Том IV. Дворянская революция в России. Ц. 1 р. 30 к. (2-е издание).
Том V. Конец дворянской революции. Ц. 1 р. 30 к. (2-е издание).
Том VI. Дворянская революция в Южной России, Западной Европе, на древнем востоке и в античном мире. Ц. 1 р. 40 к. (Печатается 2-е изд.).
Том VII. Старый порядок. — Господство дворянства. Ц. 1 р. 40 к.
Том VIII. Демократическая революция в Западной Европе. Ц. 1 р. 75 к.

Печатаются:

Том IX. Производственный (аграрный и промышленный) капитализм в Западной Европе и внеевропейских странах.
Том X. Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века.

Готовятся к печати:

Том XI. Производственный капитализм и революция в России второй половины XIX и начала XX века.
Том XII. Последняя стадия в развитии мирового капитализма, мировая война и вторая революция в России.

Проф. Н. РОЖКОВ. Смысл и красота жизни. Цена 30 к.
„ „ История труда.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94
МОСКВА, Тверская, 38, телеф. 264-61 и 377-23